

АНАТОЛИЙ
ГЕЙНЦЕЛЬМАН

СТОЛЬ
СЛОВЕСНОГО ОГНЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ТОМ 1

РУССКАЯ ИТАЛИЯ

Анатолий Соломонович Гейнцельман
Столб словесного огня.
Стихотворения и поэмы.
Сборники стихотворений. Том 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964656

*Столб словесного огня: Стихотворения и поэмы. В 2 т.: Водолей;
Москва; 2012*

ISBN 978-5-91763-087-8, 978-5-91763-088-5

Аннотация

В настоящем издании представлено поэтическое наследие поэта Анатолия Гейнцельмана (Шабо, 1879 – Флоренция, 1953), прожившего большую часть жизни в Италии (главным образом, во Флоренции). Писать стихи Гейнцельман начал еще в конце XIX в. и в 1903 г. в Одессе опубликовал первую книгу, так и оставшуюся в России единственной. Находясь в стороне от литературных кругов русской эмиграции, Гейнцельман продолжал писать, по его словам, для себя и для жены, стараниями которой наследие поэта было сохранено и архив передан Флорентийскому университету.

В первый том вошли прижизненный сборник «Космические мелодии» (1951), а также изданные вдовой поэта Розой Хеллер книги «Священные огни» (1955) и «Стихотворения. 1916–1929»;

1941–1953» (Рим, 1959) и небольшая «Автобиографическая заметка».

Содержание

1	11
Космические мелодии (Неаполь, 1951)	13
Ущелье	13
Лютня	16
Саваоф и роза	21
Остров смерти	25
Синева	27
Домодоссола	29
Праздник волн	31
Осенние розы	32
Птицы	33
San Miniato	35
Белые кони	41
Маятник Божий	45
Ледяные пальмы	47
Арлекинада	48
Отходящий	51
Невралгия	53
Минуэт	55
Ноктилюка	57
Пролески	59
Палланца	61
1. «Пока вакхического танца...»	61

2. «Жарко-розовые стены...»	61
3. «Камердинеры в синих ливреях...»	62
4. «Солнце раскаленное...»	64
5. «На колени склоненный, в колени...»	65
Тополи	67
Вороны	68
Человек	69
Око	70
В треугольной раме	71
Camposanto	72
1. «Когда я прихожу в непрощенные гости...»	72
2. «Верую свято, что будут аканты...»	73
Колонны Эроса	74
Жемчужница	76
Аккорды	78
Умирающий Серафим	79
Эскиз	81
Ландшафт	82
Картинка	84
Протяжные строки	86
Лунный серп	87
Прощение	89
Легенда	91
Будет	93
Солхат	94

Кобзари	97
Сумерки	101
Аграф	102
Ноктюрн	103
Улей	104
Ave Maria	105
Ночь	106
Литания	107
Пиния	108
Полярная царица	109
Мурена	110
Экстаз	111
Без веры	112
Музыка вечности	113
Реликвия	114
Перед грозой	116
Морской псалом	117
Лестница	119
Брызги	121
Оборотень	122
Моя отчизна	124
Невольники	126
Пан	127
Сестры	129
Зеленый луч	130
Тени	132

Румянец	133
Умиравший лебедь	135
Сумеречница	137
В звездную ночь	139
Недоуменный странник	141
Этюд	143
Синий цветок	144
В зной	145
Клубы	146
Ангелы	147
Мои друзья	150
Танец	152
Сказка о бабушке и внучке	154
У бассейна	158
Агатодемон	159
Полдневный ноктюрн	163
Из тайника души	165
Драконы	167
Птица Карморан	169
Мак	170
Палитра	172
Последний час	173
В золотой раме	175
Гнездо стрижей	176
Синяя стрела	180
Закат	181

Понтийский этюд	183
На подушке	185
Чайки	186
Ящерица	188
Ритм	190
Мертвые звезды	192
Волна	193
Оазис	195
Два аиста	197
Золото	199
Последняя песнь	201
Облачный турнир	203
Сирены	205
Дорожка где-то	207
Золотой шпатель	209
Смерть	210
Воскресение	212
Великий Пан	214
Тень	216
Жар-Птицы	218
Солнечные хорей	220
Миф	222
Белые олеандры	224
Морская ода	226
Клумба канн	228
Большая Медведица	230

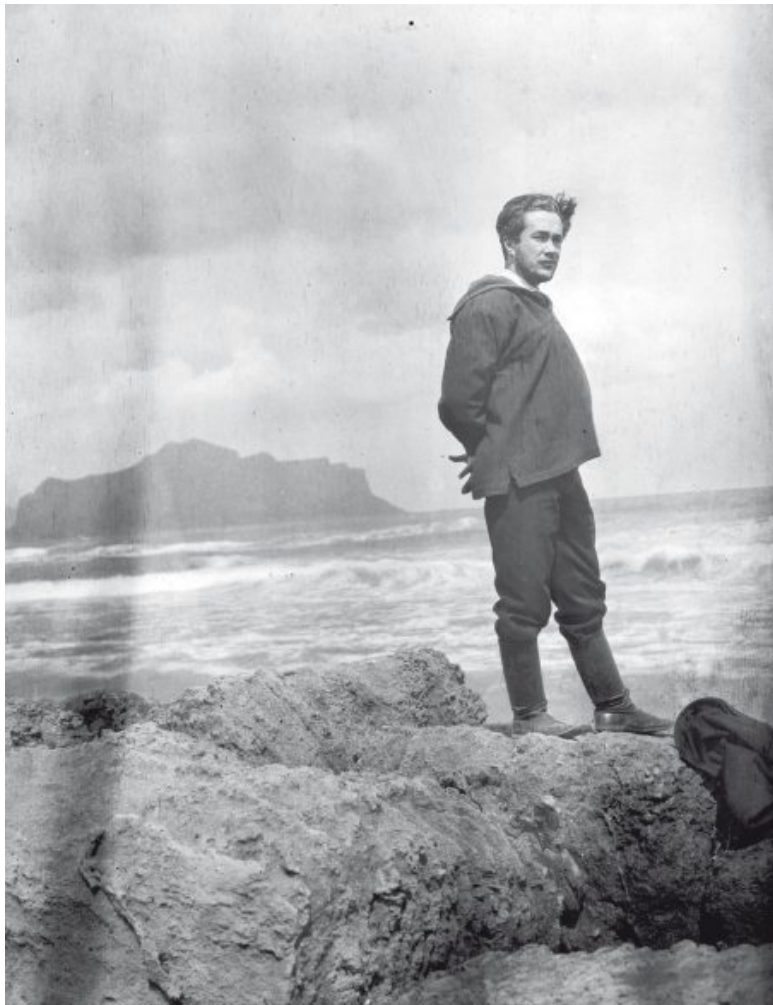
Год за годом	232
Розы и фавн	234
Сумерки	236
Звездная гармония	238
Язык Хаоса	239
Пузырьки	240
Мост к Вечности	241
Странник	243
Пробуждение	245
Отражения	248
На выставке	250
На паперти	252
Храм в джунгле	254
Лавра	256
Снежное видение	258
Зимний офорт	260
Сикстинский Бог	262
Космический туман	265
Суетное желание	266
Дали и тали	268
Черный образ	270
Солнечные фонтаны	272
Солнечный скрын	273
Voboli	275
Растечение	277
Сумбур	279

Мертвые	281
Во дни творения	283
Райский спутник	284
Степной пейзаж	286
Песчаный пейзаж	288
Морской пейзаж	290
Мелодия из Хаоса	292
Смерть солнца	295
Морская симфония	296
Духовность бытия	298
Аквилон	301
Влечение в бездну	302
Исчезновение	304
Гондолы	305
Круги	307
Конец ознакомительного фрагмента.	308

**Анатолий Соломонович
Гейнцельман
Столб словесного
огня. Стихотворения
и поэмы. Сборники
стихотворений. Том 1**

1

Водолей
Università di Pisa
Pisa – Москва, 2012

Молодые годы. Крым (?)

Космические мелодии (Неаполь, 1951)

Ущелье

В ущельи темном
На корабле бездомном,
Без путеводных звезд и сил,
Среди веков, среди могил,
Забытый, бледный, одинокий,
Я правил слабою рукой
Корабль прекрасный и высокий
В болото жизни строевой.
Как привиденья,
Громады мрачных скал
Тянулись ко мне,
Как сновиденья,
В зловещей тишине
Бежал за валом вал,
Незримый и плененный,
Стенами отраженный.
Дыханье трав гнилых
Въедалось в паруса,
Очей больных

Касалась горькая роса...
Порой я умирал от смеха
И от паденья горьких мук,
Когда вокруг рыдало эхо
Среди гранитных рук
Насупившихся скал,
Где бился раздробленный вал.
Случалась и борьбы минута,
Когда я вынимал свой меч
И разрубал с бессильных плеч
Гирлянды нависавших спрутов.
Бывало, из пещер нимфеи
Со страстной песней недр
Хватались за бугшприт и реи.
Дрожал от ласки древний кедр,
Сгибалось дерево познания,
Что я срубил в саду Эдема
В пору создання
Святого корабля,
Когда слагалась поэма
Моей души, моя земля,
И ты, незримая царица,
Товарищ странствий по морям,
Крылатый спутник мой Орлица,
И целый мир твоим очам.
Но я не слушал песен дерзких,
Поросших правдой слов земных,
Познанием мерзким
Болот живых.

На лире золотой
Я брал святой аккорд,
Но звук в груди больной
Был так нетверд
И так убог,
Что падший бог
Не пробуждался,
Не окрылялся,
Не обходил
Живых могил,
Не разрушал
Угрюмых скал...

Лютня

Если ты восьмиструнная лютня
С мелодичным и чистым сомнением,
Если ты как поэт неприютна
И расстанешься с хмурым плечом,
Если рвешься и веруешь смутно
В красоту и экстазы стремленья,
Прикажи, мы отправимся в путь:
Мне в словах суждено затонуть.

Был и я этой лютнею славной,
И созвучья великие рвались
И в дыханье вселенной недавно,
Как гирлянды из пташек, вплетались.
Был и я этой силой бесправной,
Да в груди моей струны порвались.
Дай по струнам твоим пробежать,
Дай аккордом тебя оборвать!

Не потупишь ты звучные взоры,
Не умолкнут святые хоралы,
Полетим мы с тобой через горы,
Полетим чрез печальные скалы
И затеем кровавые споры,
И сразимся созвучьем удалым,
И докажем, что видимый мир

Недостаточно радостный пир.

Чрез Царьград и погибшую Трою
К голубых островов ожерелью,
Над пучиной лазурной мечтою
Полетим с небывалою целью:
С закаленною в бурях душою
Созерцать и отдаться веселью.
У Эллады мы ритмы возьмем
И в орлиную душу вплетем.

На вечерней заре к Парфенону
На сверкающих крыльях слетая,
Я молитву скажу небосклону,
На трепещущих струнах играя,
И гармонией вечности трону
Этих мраморных призраков стаю.
Две струны оборву я, сестра,
Целой жизни достойна игра!

И всё дальше, всё глубже в туманы,
Без надежды, покоя и ласки,
На гробницы в погибшие страны,
Где могилы – глубокие сказки,
Где и ты мне покажешься странной,
Где мистерия засветится в глазах,
Полетим: там я вырос в лучах,
Там хочу умереть на цветах.

Там на паперть Maria del Fiore
С тайнородною лютней спущуся,
С всеобъемлющей волей во взоре
Всескорбящею песней зальюся,
На безмерном стихийном просторе
Лебединой мечтой разражуся.
Не напрасно я жизнь отражал:
Я в тебе разбудил идеал.

Величайшую тайну вселенной
Под ликующим небом открою
Я у Розы в улыбке нетленной,
И собор остросводный построю,
И цветами весны неизменной
Потолки и приделы покрою, —
И, забывшись в молитве святой,
Две струны оборву я рукой.

В Таормине, в театре старинном,
Пред мирьядами звезд искрометных
Я забуду в полете орлином
О тревогах души перелетной,
Я забуду в страданьи вершинном
О тоске и слезах безотчетных.
Две струны в эту ночь умрут,
Две звезды, задрожав, упадут.

Разрешивши Трилогией грозной
Бесконечную тайну хаоса,

Осветивши гармонией сложной
Вековое гнездо на утесе,
Я ворвуся на крыльях тревожных
В голубую улыбку космоса:
Этой песней космических сил
Я последний аккорд заключил.

Я не раз воскресал для познания
В хороводе веков безнадежных,
Я не раз угасал в отрицаньи
И мелодиях скорбных и нежных.
Но теперь я венец мирозданья
И творец откровений безбрежных.
Я нашел идеал мировой.
Он исчезнет в пучине со мной.

Улыбнись, мы летим над морями,
Мы летим над могилой глубокой.
Я пою, ты упейся словами
И, сверкая улыбкой жестокой,
Наслаждайся раздольем и снами,
Наслаждайся певцом одиноким.
Для тебя я глаза открывал
И бессчетно в природе искал.

Не страшись, мы слилися устами,
Мы слились с ликованием природы,
Созерцай бесконечность очами
В этот час возвращенной свободы,

Мы наитий достигли словами,
Что достигнут веками народы.
Я сорвал два последних луча,
Ты погасла, смеясь, как свеча.

И раскрылось лазурное море
И в пучине два трупа сокрыло,
На великом, прохладном просторе
Кружевною улыбкой залило,
И как прежде в ритмическом споре
К берегам непокорным спешило.
Так погибнет Хаоса певец,
Одинокий, стихийный творец.

Саваоф и роза

В одном из крайних воплощений
Мятежный гений
Моей души с тревогой и тоской
Искал последнего ответа
В словах Завета,
В словах земли во тьме ночной.

Еще с утра я видел ясно,
Что всё безгласно
Вокруг меня, как в первый день,
Что даже песнь тысячеустно
Ложится грустно
В твои глаза, как полутьнь.

Как мать дитя в руках дрожащих,
В очах горящих
Я жизнь носил и отражал,
И до последней капли веры
Во все размеры,
Как сын влюбленный, воплощал.

Всё в этом мире, всё прекрасно
И всё напрасно,
Как мой мятежный стих.
В час межпорывья и бессилья

Сомкнулись крылья
И бурный вихрь в груди затих.

Да, несомненно, я подобен,
И дик, и злобен.
Как Ты, Создатель, в первый час,
Как Ты, в твореньи я безроден,
Как Ты, свободен
Творить миры из темных глаз.

В природе только Ты и я,
Два бытия.
Ты – зодчий тела и небес,
Я – ритм крушения вселенной,
Твой дух нетленный,
Пророк мучительных чудес.

Я не ропщу за тяжесть тела,
За скудность дела,
За воплощение без сил.
На лобном месте мирозданья
Без отрицанья
Я разрушенье полюбил.

Из края в край миры вещали
В словах печали
Кругами пламенных дорог
Тебе, Отец, тысячегласно,
Увы, напрасно

Хвалу, хвалу, печальный Бог!

Но Ты бежал в тоске смертельной
К земле бесцельной
И грудь последнего Христа
Обнял, целуя с воплем раны.
Покой желанный
Нашли в моей крови Твои уста.

Да, Ты умрешь во мне навеки,
Стремленья реки
Слились во мне в одно русло.
Я взял венец предельной скуки,
Корону муки,
Любовь и ненависть и зло.

Я первый и последний в мире
На скорбном пире
Разбил стремленье навсегда,
Я всё изведаль, всем доволен
И обездолен,
Меня не тянет никуда.

Иди, Отец, земля могила,
Ты Бог, я сила,
Вот райский сад, вот цепкий куст
Моей душистой алой Розы,
Сорви мне грезы
С невоплотимых чистых уст.

Смотри, Отец, она прекрасна,
Вся жизнь ненастно
Горит на алых лепестках,
Как в первый день творенья,
Когда сомненье
Ты зародил в моих словах.

Целуй ее в уста, безбрежный,
В цветочке нежном
Я разрешил Тебя, Отец!
Его улыбка на могиле
Мятежной силе
Да будет радостный конец.

Остров смерти

За синегрудыми морями,
Весны усеянный цветами,
Влюбленно шепчется с волной
Мой остров вечноголубой.

Корабль фантазии крылатой
Веду я песней непочатой
С неустрашимостью туда,
Где я не буду никогда.

Пусть океан крылом измерен,
Путь достигающий потерян,
Как всё, что вырезил во сне
Поэт на горней высоте.

В дали незнанной и туманной,
Благоуханной и желанной,
Мечтательно в тиши ночной
Лежит мой остров голубой.

Он полон слов, еще не взятых,
Он полон истин непочатых,
И паладины красоты
Там увядают, как цветы.

Там сладко упоенье смерти,
Влекущей к вечной душеверти,
Как пестрогрудый мотылек
Влеком на дальний огонек.

Веди же, звездочка ночная,
Меня, над бездною сияя,
Ты видишь раннею весной
Мой остров вечноголубой.

В твоих колодезях глубоких
Отчизна дремлет одиноких,
Забвенья чистый водоем,
Где мы стекаемся вдвоем.

Там в безбережном океане
Мы жизни заврачуем раны
И успокоимся с тобой:
Там остров смерти голубой.

Синева

Синева, синева бесконечных морей,
Облегающих небо и землю,
Непонятной гармонии ваших очей
Непонятной душою я внемлю!

Обреченный на смерть, для бессмертной мечты
Прохожу по гробницам вселенной
И мечтаю узнать то, что знают цветы,
Увядая от жизни бесценной.

Заповедную ценность отцовских могил
Оценить никогда не смогу я,
Дерзновенно последнюю чашу разбил
Я, безумно в лазури ликуя.

Мотылек однодневный на пышном цветке,
Однодневном, как он, не узнает,
Почему и зачем в горделивой реке
Бесконечности всё погибает.

Облакам белогрудым не скажет полей
Изможденное плугом чело,
Почему и зачем над пучиной морей
Их без усталы время несло,

Домодоссола

Силуэты темные
Грозных, острых гор,
Как мечты бездомные,
Спят с недавних пор.
Небеса червонные,
Как литой металл,
Облили точеные
Башни снежных скал.
Брызги предзакатные,
Как хвосты жар-птиц,
Рвутся в необъятное
Сотней колесниц,
Тысячей подкованных
Жемчугом коней,
Солнцем очарованных
Сказочных лучей.
А над ними нежная,
Бледная луна,
Тучкой белоснежную
Вся окаймлена.
Каждый миг безбрежное
Смертному дает,
Это небо нежное
К вечности зовет!
Кони разметались

И венец потух,
Тучки разлетелися,
Как лебяжий пух.
Ноченька печальная
Палевую даль,
Озеро зеркальное
В темную вуаль
Скрыла. И холодные
Вихри из долин
Тучи многоводные
По щекам вершин
С безобразным хохотом
Гнали в небеса,
И упали с грохотом
Тучи на леса.
Горы недовольные
Стали звать вождя.
Засверкали молнии
В полосе дождя.

Праздник волн

Меж тяжело клубящихся пасмурных туч
Скользит, умирая, полуденный луч.
И синее око надолго закрылось,
И солнце за желтую ниву спустилось,
А ветер, как плуг трехлемешный, поднял
Громадные волны меж огненных скал.
Над ними порхают, дрожа от тоски,
Как белые слезы, твои лепестки,
Мой розовый сад над размытым обрывом,
Где детства волшебная сказка в пыльном
Неведеньи быстро, как призрак, прошла,
Как ясный весенний цветок умерла.
Пустое, смотри, голубые ряды
Всё новых мечтаний встают из воды.
А там жемчугами покрытая нива,
Лазурное море, кипит горделиво.
Над ним, как ребята, парят альбатросы
И крыльями косят и топят вопросы,
Всю правду, всё внешнее в празднике волн.
Туда понесется с тобою мой челн!

Осенние розы

Осенние розы в хрустальном бокале
С улыбкой невинной лепечут о том,
Что все мы проснемся... Проснемся? Едва ли:
Мы слишком поспешно и ярко цветем.

Челнок на поросшем травую причале,
Кольшась задумчиво, грезит о том,
Что море безбрежно... Безбрежно? Едва ли:
Корабль бесконечность изрезал крылом.

Исчерпано всё, пережито в мгновенье,
И снова стоим мы у мрачной стены
В холодных объятьях тоски и сомненья.

В безбрежности нет подходящей страны
Для смертной души, для мятежных стремлений.
Мы все не приемлем грядущей весны!

Птицы

Вьюга злится, тучи рвутся,
Птицы бьются
Об оконце мрачной кельи,
Алой кровью снег пушистый,
Кровью чистой,
Словно розами, одели.

Бьются, стекла все разбили,
Опушили
Переплет изгнившей рамы,
Прутья ржавые решетки:
Кровь из глотки
Пролилась вокруг ручьями.

Сколько белых, теплых дланей!
В океане
Мировом светила реже.
Небо дланями покрыто,
Перевито
Голубое побережье.

Эти птицы, это грезы,
Это розы,
Это образы печали:
Из души моей безбожной

И тревожной
Эти стаи улетали.

В глубине небес далеких,
Синеоких,
О моей душе крылатой
Песни дерзкие вещали,
О печали
Этой немощи проклятой.

Сколько их убитых, белых,
Легкотелых!
Степь покрыта их телами,
Кровью их поля залиты,
Перевиты
Ветви голые крылами.

Страшно за мечты живые,
Молодые,
Страшно за весну-сестрицу:
Ей нужны, как свет, напевы,
Перепевы
Этой пасмурной темницы.

San Miniato

Над городом суровым Возрожденья,
Откуда шла волна
Глубокая весны и обновленья,
Есть древняя стена,

Надежною служившая опорой
От тысячи врагов.
За ней взвиваются ступени в гору
Меж скатертью лугов.

Кресты сосновые и кипарисы
Стоят вдоль ступеней.
Вдали холмы, как синие кулисы,
И купола церквей,

И город, озаренный, как пожаром,
Зарницей черепиц,
И колокольни, и на замке старом
Зубцы немых бойниц.

И лентой желтою ленивый Арно
Перерезает луг,
И кипарисы, сторожа попарно,
Стоят у вилл вокруг.

И много, много всюду красок, линий
И музыки во всем,
И гор кольцо и шлемы хмурых пиний...
Но в гору крут подъем

К согбенному веками бастиону,
Где белый лес крестов
Простер сухие руки к небосклону
Средь вянущих цветов.

Не лают там давно жерла орудий
И стих предсмертный крик.
Там тлен и прах, туда живые люди
Заходят лишь на миг.

Там, как внизу, не праздник обновления,
Не творческий экстаз,
Там царство смерти, царство разложения...
Но в предзакатный час

Там красота жемчужными перстами
Ласкает грудь земли,
И тихо над пурпурными горами,
Как птицы корабли,

Там облака бесшумными киями
Эфиры бороздят,
И башни грозные колоколами
В безбрежности звонят.

Там радужность души грядет в короне,
Как сказочный король,
Там среди могил безвестных в бастионе
На миг стихает боль.

Среди крестов, в квадрате темных стражей
Есть мозаичный храм,
Как радугой, покрытый пестрой пряжей,
С орлами по углам.

В том храме есть Христос в цветной абсиде,
С простертою рукой,
Покрытый темно-голубой хламидой,
Безжалостный и злой.

А по стенам ряды суровых ликов
Аскетов прежних дней,
Рисунков странных, и зверей, и бликов,
И красок, и теней.

Есть там гробница в боковой капелле
С цветным полом,
Где кардинал на мраморной постели
Спит непробудным сном.

И целый рой щебечущих детишек
На мертвеца глядит,
И смерть смеется меж нагих телишек,

И мертвый словно спит.

В капелле кардинала на ступенях
Меж голубых колонн
Есть дивным мозаичным сновиденьем
Покрытый белый трон.

К нему однажды в райское мгновенье
Я девушку привел
И посадил ее, как откровенье,
На мраморный престол.

Она затрепетала, как Мадонна,
Когда Архангел Гавриил
Сказал, что Бог Ее избрал для трона
Из бренности могил.

– Я недостойна, милый, на ступени
Алтарные взойти,
Я не достигла в жизни сновиденья
И не нашла пути.

– Любовь откроет нам обоим очи
И приведет к мечте,
Мы соберем цветы алмазной ночи
На горной вышине.

Все эти звезды, океан небесный
Без цели и дорог, —

Всё для меня в тебе, цветок чудесный,
Объединяет Бог! —

Как пилигрим, на слабые колени
К ее ногам я пал,
И целовал одежду на ступенях,
И руки целовал.

Она склонилась надо мной и темя
Горячими перстами
Ласкала нежно... И исчезло время,
Мгновения веками

Казались нам. В душе настала вечность.
Я понял цель Творца,
И звезд бесчисленных сказочную млечность,
И смысл тернового венца.

И поднял я уста к устам душистым,
И сплавился металл,
И стало всё мелодией пречистой,
И Бог вблизи витал.

Настала ночь. Померкли всюду краски...
Кресты, и плиты, и гробницы
Глядели как загадочные сказки,
Как небылицы...

Я счастлив был, кресты и кипарисы

Казались мне гирляндой роз,
И фонари горели как нарциссы, —
И я всё выше, выше рос!..

Белые кони

Мороз трескучий, серебристо-звонкий.
Роняют тучи белые пеленки
Вокруг на кручи, в снежные воронки.
И вихрей фуги исполняют скрипки
Ледяной выюги, голенькие липки
И ствол упругий ясенечков гибких.
Ревут crescendo, воют furioso,
Тереблют ленты лютые морозы,
И орнаменты в робкие березы
Летят, как звезд умерших хороводы.
И снежный мост спускают небосводы
На злой погост разгневанной природы.
Вонзились шпаги рыцарей ледяных
Свистя в овраги, словно в змей поганых,
Чудовищные разрывая раны.
Опушка леса. Полукругом стройным
Стоит завеса великанов хвойных,
И, как принцессы, приседают воины.
В высоком сани леса Бриареи:
В алмазах длани, горностаи на шее
И с каждым днем доспехи тяжелее.
Как часовые, великаны дремлют,
Власы седые в облака подъемлют
И снеговые мантии приемлют.
А на лужайке под свирели бури

Кружатся зайки, и, глаза зажмуря,
Как от нагайки голову понуря,
Стопились кони белоснежным кругом,
Сорвав попоны, без удил, с испугом,
Как от погони, слившись друг с другом.
И от копыта беглецов ретивых
Вокруг изрыты снежные обрывы,
И в небо взвиты бешеные гривы.
Взлетает щебень, острые подковы
Сверкают ярко в воздухе суровом
И рвут и топчут льдистые оковы.
И пышут ноздри в мир окаменелый,
Как солнышка пылающие стрелы,
И полог звезд растапливают белый.
Вдруг из березовой примчался рощи
Табун несметный лошадемок тощих:
Поджарые, засеченные мощи.
Но много их голодных, злобных много,
Пыльнейшая их не вместит дорога,
Дряннейшее жнивье в степи убогой
Им кажется неслыханною манной.
И вот они из пелены туманной
Примчались, покрывая гнойной раной
Атласный полог девственного снега.
И вой везде, как в стане печенега,
Когда полки царьградского Олега
Нагрянут вдруг: растрепанные гривы,
Хвосты косматые, глаза ревниво
Воспалены, как гнойные нарывы.

Всё перед страшным падает потоком,
Всё затопляется, когда наскоком
Они в степи, в раздолий широком
Свирепствуют, исполненные злобы,
Бесовских наущений и худобы
Своей ненасыщаемой утробы.
И приметив, где стояли кони,
Измученные долгою погоней,
Они на них без долгих церемоний
Набросились со ржанием и храпом.
Тяжелым утомленные этапом,
Ходившие по грязных смердов лапам,
Недолго царственные защищались,
Копытами недолго отбивались,
Но клячам озлобленным не сдавались.
Горой вокруг нагромоздились трупы,
Но новые всё лезут на уступы,
Остервенелы, одержимы, тупы.
И снег вокруг побагровел от бани
Кровавой вдруг, но новой всё погани
Несметны полчища на поле брани.
Затем исчезло всё. Преграда смыта,
Храпящими волнами перерыта,
Распылена и вскоре позабыта.
И вьюга саван белый разостлала,
Атласное без пятен покрывало.
Лишь кое-где кровавое торчало
Копыто: небу, видно, для укора.
Но понял я тогда еще не скоро

Глубокий смысл нелепейшего спора.

Маятник Божий

Я маятник неоценимый,
Что из Создателя повис
В юдоль гармонии творимой,
Я бледный восковой нарцисс.

Тысячелетья я качаюсь
Из ада жизни в синий рай
И в водах Леты отражаюсь
Под сенью шепотливых вай.

Чем глубже в мерзкое болото
Я ликом солнечным качнусь,
Чем безответней душит кто-то
Тебя во вследниках, Иисус, —

Тем выше силой отвращенья,
Покрытый грязью, но живой,
Взлетаю в синие владенья
Я многострадной головой.

И только этот темно-синий,
Всё повторяющийся взлет
В неискрыленные пустыни
Мне исцеление дает.

И снова маятник священный,
Пророком зарываясь в грязь,
Кромешный ад без перемены
Пытается с пустыней в связь

Мистическим символом слова,
Примером девственным вести,
Но на Голгофе всё готово:
Палач, нагайка и кресты.

Отец! Не забывай о сыне!
И маятник, сорвав с оси,
В Хаоса звездные пустыни,
В пустыни синие снеси!

Ледяные пальмы

Сегодня вдруг, впервые в этот год,
О страждущем опальном серафиме
С улыбкой грустной вспомянул Господь
И душу, потухающую в схиме,
Обрадовал цветами ледяными.

Засеребрились, засияли вдруг
В убогих рамах ледяные пальмы,
Акант, лилеи, бисер и жемчуг —
Эдема сказка, за которой вдаль мы
Мечтанья душ направили опальных.

Такою пальмою и ты, поэт,
Недолговечной на задворках жизни,
Засеребрясь на миг, во цвете лет
Уйдешь в ничто без горькой укоризны,
Оставив слов жемчужины для тризны.

Такие пальмы создаешь и ты
На загрязненных стеклах рам тюремных,
И вечности волшебные цветы
На миг склонятся к братьям тяжкошлемным,
Напоминая о садах надземных.

Арлекинада

Я неуклонно, неизменно
Мечты вертящийся дервиш.
Меня кровавой переменой,
Меня ничем не поразишь.
И с экстатической пеной,
Среди обуглившихся крыш,

Плясать я буду пред ковчегом
Иеговы вечной красоты,
Пред нерожденным человеком
Моей пророческой мечты,
Пока для вечного ночлега
Не отыщу опять кресты

Кладбища, где цементной плитки
Ладонь мой торопливый бег
Вдруг оборвет, где гиацинты
Посадит сторож из калек,
Где вспомнишь, наконец, что сын ты
Творца, убогий человек!

Любимый сын! В чаду похмелья,
Но творчески блюдя аршин,
Художника полишинеля
Он создал, – и любимый сын,

Очнувшись, узрел на постели,
Что он нелепый арлекин!

Да, да, я шут Творца вселенной,
Мечты нетленной корибант,
От непосильного согбенный,
Но волею почти Атлант,
И потому мечты нетленной
Тебе созданся фолиант!

Моих восторгов побрякушки,
Моих эпитетов нектар,
Метафор и гипербол пушки,
И вдохновения пожар,
И рифмы милые гремушки
Скрывают, что нелеп и стар

Узор Твоих жилых угодий
И смысл головоломных рун,
Что всё мучительно в природе
И неприемлемо без струн,
Что без шута Твоей пагоде
И истуканам карачун.

Да, я, полишинель Иеговы,
Неизлечимый мира сплин
Лечу символами, – и новый,
Всё новый будет арлекин
Белить красавице суровой

Гнилые щеки... Дзинь, дзинь, дзинь!

Отходящий

К тебе я, нежной, белоснежной
И безбережной,
Прихожу,
Тебе я, тихой и великой,
Волшебной,
Расскажу
О том, как пели явь свирели
В родном ущельи,
Где княжу
Я словом тленным несомненно.
Склоня колена,
Нанижу
Я слов безглавых и лукавых
Жемчуг кровавый.
Покажу
Я в струйке алой, многопалой
Тебе кораллы
И рубин.
И ты без гнева, королева,
Из синя чрева
И пустынь
Хоть издали мячик речи,
Расправив плечи,
Перекинь
Мне, трубадуру. – Брось лемуру

Свою бандуру,
Властелин!
И стань пророком синеоким,
Мечом жестоким
Обезглавь
Земли проказы: жизнь экстазы
Задушит сразу,
Как удав.
Оставь сирену, злобы пену
И яви стену,
Всё оставь.
На дне могилы стебель хилый
Оставь бацилле,
Возроптав,
А сам свободный в храм Господний
Корабль бесплодный
Переправь!

Невралгия

Часто, часто ураганы
У меня ревут в мозгу.
Чернокрылые бакланы,
На скалистом берегу
Раскаленных полушарий,
Прихотливый лабиринт
Клювом пьют, как шкипер старый
Одуряющий абсинт.
Но лишь медная кастрюля
Золотой прольет поток
Через тучи, как козуля
Из пещеры скок, скок, скок!
И двойные алебарды
Быстроногой нимфы гор
Из угрюмых гротов барда
Выметают этот сор.
И тогда уж постоянно
Тополь, острая как меч,
Наподобие экрана
Окружает мозга печь.
Тополь в пепельной рубашке,
Не стыдливая и без,
И под листья стаи пташек
К ней спускаются с небес.
Там воробушка мохнатый,

Чижик-пыжик, чик-чирик!
Там и ласточки стрельчатой
Иже херувимский крик!
Крики, визги, ликование
Брызжут к синим небесам,
Но рыдает от страданья
Растекающийся храм
И в помятые подушки
Погружает купола.
Но усердные пичужки
Зачирикают дотла
На престоле ларчик гостей,
Кубок крови пролитой...
Погоди же, на погосте
Будет и тебе покой!

Минуэт

Купол серебристо-синий
На Атлантах распростертых.
Серебристо-свежий иней
Окаймляет натюрморты:
Тын и теплый стог соломы,
В кольях черных огород,
И мужицкие хоромы,
И оглобли у подвод.
Иней стелется по сизой
Горных великанов коже,
И деревья, как маркизы,
Как сановные вельможи,
В перепудренных, кудрявых,
Церемонных париках,
В сочетаниях лукавых,
На шелковых каблуках,
В шаловливом минуэте
Извиваются на лоне
Синих холмов, где в карете
Золоченой и в короне
Древний, самый древний в мире,
Едет золотой король.
И вокруг него всё шире
Копья блещут и пароль,
Светом брызжущий, несется,

Пронизая всё вокруг,
Как пронзает тьму колодца
Златом шитая хоругвь.
Только холодно и жутко
Мне в оранжерейной клетке,
И серебряные шутки
За оранжевые ветки,
За кусочек неба синий,
Синий, синий, италийский,
Я отдал бы этот иней,
Эти жемчужные низки!

Ноктилюка

Море! Лазурное море, поведай,
Было ль когда ты счастливою Ледой,
Грудью синей поило ль Зевеса,
Жемчугом уст распахнуло ль завесу
Мантии звездной безбрежного Бога,
Лилось, струилось ли Млечной Дорогой?

Нет, никогда бирюзовые длани
Виться не смели по Божьему стану,
Нет, никогда сладострастные груди
Ласки не ведали звездного чуда,
Нет, никогда необъятность вселенной
Ты не забрызжешь соленую пеной!

Я же, вселенной и радость и мука,
Жалкая в пене твоей ноктилюка,
Атом незримый в голодном планктоне,
Солнечноликим Зевесом на троне
Часто бываю, и нежная Геба
Кубок нектара дает мне в Эребе.

Море лазурное! Дланью конечной
Ты не обнимешь Тропы этой Млечной!
Я же в любовь осимволил безбрежность,
В девушки чистой невинную нежность.

Вот почему до последних завес
Обнял вселенную смертный Зевес!

Пролески

Безжизнен лес. Прошлогодние ризы
Лежат вокруг пеленой желто-сизой
И под ногою шуршат, как черепья
Разбитых амфор или как отрепья
Кулис прогнивших торжественной сцены,
Где Смерти подвиг серел неизменный.
И снег лежит по прогалинам в балках,
Как саван в клочьях, и хриплые галки
Кричат кругом, и топор дровосека
Стучит везде, повергая без спеха
Окаменевших, недвижных и черных,
Как будто мертвых, как будто покорных.
Но колесница лучистая Феба
На днях три раза лазурное небо
Опоясала, и черная стая
Дроздов вернулась из дальнего края,
Где пела в гнездах у Гроба Господня.
И дрогнул лес, и без счета сегодня,
Из-под одежд перегнивших, негодных,
Поднялось ликом веселых, свободных,
Подснежников белоснежных, невинных,
Пролесочков голубых, темно-синих,
Которых страшные, смрадные трупы
Всю зиму грели, как будто тулупы.
И мы с тобою – такие пролески

На гробе страшном, последние всплески
Мечты погибшей, навеки, быть может,
Мечты, которой никто не поможет.
Отчизна, вера, народов равенство,
Свобода, братство, Христово блаженство,
Всё это, всё лишь такие черепья,
Всё это, всё почему-то отрепья.
И дай-то Бог до конца нам хотя бы
Стремиться вместе к лазурной Каабе
Святого неба, как эти пролески,
Свия любящую грудь в арабески!

Палланца

1. «Пока вакхического танца...»

Пока вакхического танца
Не утомляет душу прыть,
Нам берегов твоих, Палланца,
Жемчужно-сизых не забыть,
Где незабвенных трое суток
Ты в синей зыбочке своей
Для двух доверчивых малюток
Взметала пенистых коней,
Где без досадных диссонансов
Впервые Вечный Дирижер
В одном божественном кадансе
Слил жизни несогласный хор.

2. «Жарко-розовые стены...»

Жарко-розовые стены
Нависали у Лавено,
И зеркально-синий глаз
Свой серебряный экстаз

В неба голубые залы
Просветленно излучал.
Задымленные кораллы
Упоенных солнцем скал
Без вопроса, но серьезно
Отражаются в воде.
Домодоссолы лишь грозно
Синей не достать гряде
До мечтательного глаза,
Как у Богу обреченной
Катерины Бенинказа,
Содомой запечатленной.
Поскорее же на шканцы,
Ждет нас старый «Бернардин»,
Переправимся к Палланце,
Нынче я уж не один.
В волнах отразимся вместе
Мы, как древняя камея,
Остров покажу невесте
Я прелестный Борромея,
И средь стриженной аллеи,
Средь богов и нимф безруких
Поцелую я лилеи,
Вожделенные в разлуке.

3. «Камердинеры в синих ливреях...»

Камердинеры в синих ливреях
Золотой подняли паланкин,
Кружевные накидки на шеях
У лазурных Нептуна детин.
Парики их напудрены пышно,
Церемонны они, как девицы,
Говорят, так чуть-чуть только слышно,
А проворны как хищные птицы.
Паланкин, как червонная рыбка,
Как остро заостренный палаш,
Рассекает жемчужную шибко
Мальвазию лазоревых чаш.
Дремлет тихая Isola Bella;
Алебастры и лапис-лазули,
Феерично слиясь в ее тело,
В час творенья как будто заснули.
Из эмали алмазные весла
Я сложил умиленно на борт,
Все земные я презрел ремесла
И надежнейший бросил я порт
За мечтателя титул неверный.
И сорвала мне жизнь венки,
И смеялись скалы и серны,
Не смеялся один лишь челнок,
Не смеялась и ты, моя Пери,
Над убогим своим женихом,
И раскрылись многие двери
Пред закованным в латы стихом.

4. «Солнце раскаленное...»

Солнце раскаленное
В озеро бездонное
Закатилось.
Долгожданное,
Век незнанное
Сбылось.
Риз червонных
И червлёных
Орнаменты,
Прошвы, ленты
У воскрылий
Снежных лилий
Альп склоненных,
Просветленных,
Блещут заревом великим,
Как в Палермо мозаики.
Синим, синим кашемиром
Божии покрыты нефы,
И повсюду барельефы,
Всюду вставлены метопы,
Где могучие циклопы
С кем-то бьются озлобленно.
Чисто, ясно, упоенно
Отражает глаз зеркальный
Бешеное аллилуйя

Солнечного поцелуя.
Небо сверху, небо снизу,
Лишь по дальнему карнизу
Гор виднеется едва
Дымчатая синева.
Небо в сердце, небо в пальцах,
Всюду алые шелка.
Вышивай скорей на пяльцах
Душу райского цветка!

5. «На колени склоненный, в колени...»

На колени склоненный, в колени
Опустился я к тихой голубке,
И наитъя предельного гений
Посетил нас в убогой скорлупке.
И в потоке червонном Данаи
Ослепительней не было блеска,
И видение Дантова Рая
Было скромною лишь арабеской
Перед тем, что в очах у невесты
Я в мгновение это прочел,
И испуганно Тайны с насеста
Разлетелись, как облачко пчел.
И сжимая горячие ручки,
И целуя блаженно уста,
Я вился, как атласные тучки

У вершинного где-то креста,
Я вился, изливаясь в любую
Из безбрежности звездных аорт,
И я душу имел голубую
И ликующий солнца аккорд.

Тополн

Высокие тополи, рыцарн важные
В заката золоченных латах,
На страже в червонных палатах
Степенно качаются с песнею шпажною.

Им истнны плевелы чужды бумажные,
Исторнн сложной шахматы,
Моральной Голгофы стнгаматы, —
Их шелест и шепот – иден закряжные.

Сомкнитесь, обстаньте! Я первенец Божнй,
Стнхнн больной менестрель,
Я мнг, на безбрежность творенья похожнй.

Хрупка, паутнна свнрель,
И дует и плюет сатнр толсторожнй
В души голубой акварель.

Вороны

Исполинской крылатой гребенкой,
Как тяжелые, острые бороны,
Бороздят сине-черные вороны
Над убогой родимой сторонкой.

Бледно-сини, как глазки ребенка,
Колеи, что в лазури проторены,
Но вороны кар-кар чуть повторены,
Как занает опять под печенкой.

Эти черные в небе горланы,
Это жизни обыденной жуть,
Это красные в мелях баканы.

Чуть услышишь, под мышкою ртуть
Закипит, и раскроются раны,
И на солнце тогда не уснуть.

Человек

К беспредельности неба и к звездному чуду,
К многошумности моря, к ажурности трав,
Даже крайние розы в пути оборвав,
Я восторженным век свой недолгий пребуду.

К человека ж телесному, страшному блюду,
К аромату жестоких идейных отрав,
К всеизведавших грешных очей изумруду
Я останусь до смерти жесток и неправ.

Человек – омерзительная амальгама
Из угасшей в гниющей трясине кометы
И низверженных ангелов злобного гама,

Человек – марафонский посланец без меты.
И души не сложилась бы дивная гамма,
Если б в мир не явились зачем-то поэты.

Око

Вчера в громадном терпеливом глазе
Измученной, худой, цыганской клячи,
Жевавшей мокрую солому в тазе
У низкого плетня убогой дачи,

Я отражался, как в хрустальной вазе,
Миниатюрный, созданный иначе,
С горами, лесом, тучами в экстазе,
Как иероглиф таинственной задачи.

Сегодня на плетне висела шкура
Кровавая, на глаза ж поволоке,
Меж мускулов раздутых, сине-бурых,

Рои жужжали оводов стооких,
И, такова уж у меня натура,
С недоуменьем думал я о роке.

В треугольной раме

Направо шест засохший ясенёвый,
Налево тень бросающий стожок,
Внизу бурьян с щетиною ежовой,
Вдали сухой за сливами лужок.

А в треугольной раме бирюзовый
Атласный фон и белый сапожок
Недвижной тучки, и деталью новой
Зачем-то узкий месяца рожок.

Какой он бледный в жаркие полудни!
Как дважды в чае выжатый лимон.
Куда его мечтательности чудной

Девался звезды затмевавший сон?
Такой и ты в нередкостные будни,
Скучающий на солнце Эндимион!

Camposanto

1. «Когда я прихожу в непрошенные гости...»

Когда я прихожу в непрошенные гости
Куда-нибудь впервой с котомкой и узлом,
Я второпях ищу в предместьях погосты,
И если красоты таинственным жезлом

Природа не дарит там отошедших кости,
Я прячусь, как могу, от Смерти за углом
Или бегу опять через поля и мосты,
Твердя до одури изведенный псалом.

Я смерти не страшусь, но новые постели
Меня еще гнетут и нищенский отель,
Или клоачная больницы где-то келья:

Там может зазвучать в последний раз свирель,
Когда еще не весь от страстного похмелья
Я отойду, познав загадочную цель.

2. «Верую свято, что будут аканты...»

Верую свято, что будут аканты,
Меч кипариса и царственных пиний
Митры мое окружать Camposanto
В небе, окрашенном в яспис и миний;

Верую свято, что купол гиганта,
Архистратига скульптуры, как синий
Будет мне ангел листы фолианта
Тихо до Божьего творчества линий

Раскрывать, поднимаясь на красных котурнах,
Что в классической Рима моей колыбели
Я покроюся звездной эмалью лазурной,

Что вихриться вокруг будут Фебовы шмели
И забьется вблизи под хрустальной урной
Ароматное сердце эфирного Шелли.

Колонны Эроса

Золото, золото, царственный миний
Своды покрыли лазоревых крипт,
Нежно певучей гармонией линий
Неба увит голубой манускрипт.

Аквамаринные пышные зонты
Тихо плывут в безбережность, клубясь,
Брызжут алмазами ввысь горизонты,
В облак вонзая чеканную вязь.

Лес, завернувшись в гиматион черный,
Дремлет, склоняя шелом на копье,
Ярче, всё ярче ликуют валторны,
Феб приближается к дремлющей Ио.

Страстно покрыли зеленые груди
Перстнями пышно объятые персты,
Око рубинное в глаз изумрудных
Ищет чего-то колодцах отверстых.

Время вечерних теперь сатурналий,
В розах белеет треножник в акантах,
Брызжут фонтаном жемчуг и кораллы,
Нивы, и небо, и лес в корибантах.

Как Алигьери пред смерчем Дидоны,
Я, пораженный, гляжу в небеса:
Дымчатые там вихрятся колонны,
Базой ажурной спускаясь в леса...

Что это? Кто этот зодчий великий,
Землю связавший с лазоревым сводом?
Кто это башню крылатою Никой
Вдруг увенчал в поединке с Нимвродом?

Эрос строитель базилики этой,
Вихреколонной, зарей упоенной,
Эрос, связавший былинку с кометой,
Атом венчающий царской короной.

Это влюбленных летят миллиарды,
Это, ритмично кружась, комары
Стелют крылатые, легкие чадры
В бледноланитные где-то миры.

Ах, не пора ли и всем нам влюбленным
С грустной проститься земною купелью?
Ах, не пора ли под сводом червонным
Белую стать навсегда капителью?

Жемчужница

Я жемчужница в тихом заливе,
Неприступен мой маленький дом,
Не страшны мне приливы-отливы
И прожорливой плоти содом.

От скуластых подводных чудовищ,
От зобастых ныряющих птиц
Не убудет искристых сокровищ
Из-за духа зубчатых бойниц.

Я снаружи шершав и невзрачен,
Но живу я глубоко внутри.
На молитвы досуг мой потрачен,
Я молюсь от зари до зари.

Я отшельник, не знающий мира,
Извивающегося вокруг,
Но во мне из любовного мирра
Драгоценный родится жемчуг.

Многолетнею схимой заслужена,
Средь кровавой всеобщей вражды
Для меня родилась жемчужина
Из глубокой и чистой воды.

И на сердце лелея болезную,
И нездешней любовью любя,
Я всё снова десницу железную
Отстраняю судьбы от себя.

Изумрудной стеною запружена
Неприглядность вокруг бытия,
И растёт с каждым часом жемчужина
Ненаглядная подле меня.

И всё крепче мой дом перламутряный
Защищает от яви и бурь,
И всё ярче кораллы в час утренний
Рассыпает над морем лазурь.

И становится мир всё ненужнее
И всё крепче духовная сталь,
Всё таинственнее, всё жемчужнее
Вдохновенного слова скрижаль.

Аккорды

Крестоносец Анатолий
Много мельниц ветряных,
Много палиц и дреколий
Победил и змеев злых.

Черноризец Анатолий,
Светоч духа излия,
Много новых создал схолий
К Божьим книгам бытия.

Пальмоносец Анатолий
Неба искрылил лазурь,
Мира исшагал раздолье,
Водных приобщился бурь.

Псалмопевец Анатолий
Златострунную псалтырь
Разбивает в чистом поле
О горючий алатырь.

Умирающий Серафим

В лазурь стремившееся тело,
Как камень, падает на дно,
Одно крыло обледенело,
Другое солнцем сожжено.
Загрязнены одежд перяных
Когда-то снежные края,
И из-за облаков багряных
Душа, кадельница моя,
Глядит, как обгорелой мачты
Вздываемый волнами пень.
Но некому сказать: Не плачьте!
Могильная прияла сень
Моих соратников немногих
Задолго до того, как Тасс
Пел грезу паладинов строгих
И Дант увидел Ипостась.
Один в синеющем сугробе,
Под паутиной мертвых вай
Лежу я, вспоминая в гробе
Душистый флорентийский май.
И ничему уже не веря,
Недвижим, холоден и чист,
Жду палицы народа-зверя,
Жду Каиновой дубины свист.
Но ты всё снова на колени

Склоняешься передо мной
И узел расправляешь звений
Моей кадилаицы святой.
И снова синим фимиамом
Кадит уставшая душа,
И ты перед воскресшим храмом
Стоишь, молитвенно дыша,
И с крыльев чуть затрепетавших
Сметаешь снеговой балласт.
Тебе воздаст Господь упавших,
Творец архангелов воздаст!

Эскиз

Скалистый берег. Рыцарь в латах.
Тьма. Блеск железа. Тень. Рембрандт.
На темно-синих волн агатах
Корабль без парусов и вант.
Обрубок мачты. Тело девы.
Как солнце кудри. Тициан.
То дочь, должно быть, Женеьевы,
В объятиях стальных лиан.
Глаза у рыцаря без веры:
Веками подвига он стар.
Дракон вылезает из пещеры...
Отчаяние и кошмар.
Умчалось время Андромеды,
Святой Георгий уязвим.
Ах, волосы под шлемом седы
Твои, усталый пилигрим.
Дракон перегрызает узы
И царскую уносит дочь.
В броню впиваются медузы
Утопшего героя... Ночь.

Ландшафт

В грязи мои кисти,
И грязный ландшафт
Пишу я, лучистый
Мечты аргонавт.
На мощной палитре
Потухли цвета,
Алмазы из митры
Скатились с борта.
Пишу я суровых
Деревьев ряды,
Полозьев дубовых
В сугробах следы,
С котомкою рваной
В лаптях мужика,
С провалиной странной
Клячки бока.
Пишу на погосте
Покойников ряд:
Безгробые гости
С терпеньем лежат
И ждут, как живые,
Что в очереди
Листики паевые
Прижали к груди.
Пишу я страданье

И горе пишу,
Но в час созиданья
Пощады прошу,
Прошу объяснения,
Зачем это я
Пишу с омерзеньем
Тоску бытия.

Картинка

Над змейкой заката пунцовой,
Под тучей угрюмо-свинцовой,
Меж воронов мерзнущих групп
Замерзший качается труп.

Собаки голодные с воем
Бредут за военным конвоем,
Кого-то зачем-то ведущим
Под голые, мокрые кущи,

Где вырыта в тающей глине,
На краюшке самом картины,
В три четверти узкая ямка,
Где чья-то окончится ляпка.

Есть где-то лазурные сказки,
И люди, и кисти, и краски,
Да ноги налиты свинцом,
Да смотришь звериным лицом,

И прячешься в угол берлоги,
И воешь, и воешь, как пес,
Не видя в порошах дороги,
На творчества синий Патмос.

1920

Протяжные строки

Всё то же, о Боже, бесменно из тлена
Рождается,
И так же жемчужно искристая пена
Сливается
С краев окровавленной жизненной чаши.
И шепотом
Предсмертным всё так же исполнены наши
И ропотом
Молитвы и песни тягуче-повторные,
Бессильные.
Давно оказались и насыпи черные,
Могильные,
И белые стены для нас колыбельные
Заранее
Бесцельно-прекрасными, смутно-бесцельными
Вещаньями.
И души всё снова зачем-то, бесплодные,
Рождаются
И с чаши отравленной в дали холодные
Сливаются.

Лунный серп

И сегодня ни разу в окошко
Я не глянул через занавеску.
Завернувшись в клубочек, как кошка,
Я блестящую плел арабеску,
Ослепительно жуткий гротеск,
Чтоб загрезить, запеться, забыться:
Так на солнца обманчивый блеск
Чернокрылая взносится птица.
Лишь когда потонул карандаш
В темноте, и рука, и бумага,
Я оставил словесный чардаш
И волшебную палочку мага.
Был небесной кирасы свинец
Дальнобойным разорван снарядом,
И алмазный искрился венец
И серпочек серебряный рядом.
Серебристый серпочек луны,
Новорожденный и однодневный.
В Возрожденья последние дни
У Небесной своей Королевы
Под ногами подобный серпок
Извивал многострастный Мурильо,
Богоматери лучший сынок,
Серафима приявший уж крылья.
И на наш окровавленный лик

Опустилась из терний корона,
На предсмертный отчаянья крик
Появись, появись же, Мадонна!
На коленях стоим мы в снегу,
И сердца наши – красные лилии,
Появись на другом берегу
На серпочке, как брату Мурильо!

Прощение

Кто видел красоту вселенной,
Тому откроется Создатель
Мелодиею сокровенной.
На холст не налагает шпатель,
Кто видел красоту вселенной.

Простит жестокие изъяны
Руководящих он законов,
Простит и собственные раны,
На мира радужных иконах
Простит жестокие изъяны.

Недостижимость идеала
Простит за радужность деталей,
За розовое покрывало
Простит передзакатных далее
Недостижимость идеала.

За Эроса простит лампаду,
Неугасимую в орканы,
За Ренессанс и за Элладу,
Свой труп бескрыло бездыханный
За Эроса простит лампаду.

Кто видел красоту вселенной,

Освободясь от хризалиды,
Зальется песней вдохновенной
Пред Синемантийным в абсиде,
Кто видел красоту вселенной.

Легенда

Страшный Суд. Долина Иосафата.
Бог-Отец и Сын и Голубь-Дух,
Исполинская Моргана Фата...
С Тайны снят лазоревый воздух.
Девятьсот и девяносто девять
Серафимов, тысячный же я:
Огненный и среброкрылый лебедь,
Глас рокошующего бытия.
Океан, врывающийся в шлюзы,
Океан воскресших мириад.
Небо сверху, с головой Медузы
Где-то в бездне Алигьери ад.
Суд идет. Идет голосованье
Серафимов пред лицом Судьи
Триединого, и с ликованьем
Вносятся оправданных ладьи.
Девятьсот и девяносто девять
Часто отвергают голосов,
Тысячный же всех приемлет лебедь, —
И скрежещет легион бесов.
Зодчий мира смотрит с укоризной,
Но с Христом в гармонии сераф.
Справедливою закончен тризной
Мира неудавшийся устав.
Нет виновных в царстве Азраила,

Пасынок творенья человек,
Серафиму павшему могила
Широко орбиты вскрыла век.
Вдруг кровавые открылись раны:
Красным, смрадным, проклятым пятном
Встали перед судьями тираны,
Родину повергшие вверх дном.
Девятьсот и девяносто девять
Рук, как весла, опустились вниз,
Молнией тысячный зажегся лебедь
Из-под рая белоснежных риз.
Солнце трижды обегало землю,
В ожиданьи замерли Отец,
Сын и Дух Святой... «Я всех приемлю!» —
Серафим промолвил наконец.

Будет

Будут там кипарисы и будут оливы,
Будет сумрачно там, будет там серебристо,
Будут волн мелодичные там переливы,
Облаков белоперистых будут мониста.

Изумрудная будет куда-то долина
Уходить пред навек зачарованным взором,
Будут там на фонтане сидеть два павлина
С синеоким на веере пышным узором.

Будет голос павлинов жемчуг соловьиный,
Будет горленок сердце влюбленных у них,
Будет дух в них господствовать в форме единой,
Будет жизнь их изваянный в мраморе стих!

Солхат

Был вечер июньский. Лиловой громадой
Направо, насупившись, спал Агармыш.
Трещали сверчки, заливались цикады,
И дымные вились колонны из крыш.
Мы под руку шли по кремнистой дорожке
На синие маковки белых церквей,
И, как адоранты, склонялися в ножки
Тебе иммортели и горный шалфей.
Вдали зажигались румянцем заката
Воскрылья лазурного неба хитона,
И море синело с горой Митридата,
И волны лились колокольного звона.
В душе у нас золото было лучистое,
В очах многогранный, искристый алмаз,
И нам улыбалась, наверно, Пречистая,
Когда мы устами сливались не раз.
Безлюдно и тихо. С душистого пастбища
Глядели громадные очи коров
И длиннородый козел, через кладбища
Скакнувший полыню затянутый ров.
Вот нива убогая сереньких крестиков,
Могилки потоптаны стадом овец,
Ни цветиков скромных, ни сломанных пестиков,
А сколько разбитых судьбою сердец!
Печальное русское кладбище это

В безвестность ушедших безвестных людей,
Завиднее участь в лазурных тенетах
Захлестанных бурей сребристых сельдей.
Но рядом, за стенкой, зеленых тюрбанов
Меж буйной травой виднелись ряды,
С цветистой мудростью сунны, корана,
Надгробные камни – востока следы.
На стену, где вделаны были фрагменты
Сералей погибших, разрушенных бань,
Взобрались мы по арабесочной ленте,
Спуститься тебе помогла моя длань.
Вот купол разрушенного марабута
Ходившего в Мекку святого хаджи,
Вот синие камни стоят, как рекруты,
В чалмах, и ирисов зеленых ножи.
И миром повеяло Шехерезады,
Гафиза, казалось, запел соловей,
Гарун-аль-Рашид для вечерней прохлады
Поднялся из гроба и Пятый Гирей.
Не меньше, не больше свершалось насилья,
Когда управлял правоверными хан,
Но больше фантазии было и стилия,
И мир не совсем еще был бездыхан.
Мы сели на паперть забытой мечети
Меж маков кровавых и вьющихся роз,
И душ упоенных Минеи мы Четьи
Друг другу читали до радостных слез.
С протянутого в синеву минарета
Нам жалобно вторил подчас муэдзин,

И в колокол где-то ему для ответа
Звонил с колокольни своей армянин.
Темнело, когда мы опять на дороги
Белевший во мраке спустились экран...
Но вдруг подогнулись от ужаса ноги:
Свирепый пред нами стоял великан.
Увенчан шелом его мерзким драконом,
В корявых руках он держал по мечу,
И весь он по адским был создан законам,
И в черную весь наряжен епанчу.
Смеясь, я сказал: Не боюсь я бабая,
Теперь закалился в страданиях пигмей.
То дуб вековой, по преданью, Мамая,
То Флоры зеленой нетленный камей.
Повалятся наши кресты и халупы,
Сгниют в подземельях обманчивых книг
Навек позабытые варваром трупы,
А он, что из чрева того же возник,
Быть может, стоять еще будет на страже
Забывших, разбитых арабских камней,
И, может быть, песни Гафиза расскажет
Влюбленный с шелома его соловей.
Мы Эроса радостного пилигримы,
Погибшей паломники мы красоты,
В бесстыльное время на землю пришли мы,
Но Вечности мы собираем цветы!

Кобзари

Умирают слепые у нас трубадуры
На несчастной, кровавой Украине,
Не услышать из рокота скорбной бандуры
Нам священные прадедов тайны.

Не расспрашивай, детка, зачем на Украине
Православной теперь преисподня
И бесчинствуют всюду безбожные Каины, —
Это воля, должно быть, Господня.

Расскажу тебе лучше, как померли двое,
Двое нищих в степи кобзарей.
Величавее участь навряд ли и в Трое
Была роком сраженных царей.

Это в лютую зиму двадцатого рока
Приключилось в голодной степи.
Два седые и дряхлые ползли пророка,
Беспризорны и оба слепы.

Бесполозен, уныло-волнист и безбрежен
Был покров на земной плащанице.
Разгромленный за холмами спрятался Нежин,
И зловещие черные птицы,

Воронье всё да галочье, каркали жутко
На свистящих ивовых метелках,
Да метелицы их покрывали для шутки
Покрывалом в ледяных иголках.

Далеко до Ильи, до святого Миколы,
Как до гроба Господнего пальмы,
Запорошены тропы, сады, частоколы,
Замирают заветные псалмы.

И лампаду рассеянной братьи Христовой
Обнищальный убрал монастырь,
Обессиленный жизнью голодно-суровой,
Их покинул малыш-поводырь.

Но идут они, жалкие, старые шляхи
Позабытые ищут клюкой,
И давно уж под рваную свитой рубахи
У них нет и котомки с мукой.

Были люди приветливей в годы Мамаевы,
Милосердной был лютый Батый,
И теперь уж не слушают псалму Почаева
И про Лазаря голос святой.

Без надежды идут они трети сутки
К златоглавого Киева Лавре.
Ни жилья, ни дымка, ни чугушки погудки,
Только ветер бряцает в литавры,

Да над павшей кобылкой орлы-чернокрыльцы
С клокотаньем снимаются в танце,
Да клыками блестящими в пенистом рыльце
Заскрежешут волки-сироманцы.

И идут они тихо, и плачут неслышно,
На щеках замерзает слеза,
И спивают всё громче, чтоб слышал Всевышний,
И рыдает в сугробах кобза.

Надвигалась на вечную ночь псалмопевцев
И земная, недолгая ночь,
И присели они у шелковых деревьев,
Побросав свои торбочки прочь.

И запели они, на бандуре играя,
Выгравая земную печаль,
И забыли про горе и голод, спивая,
И про путь в бесконечную даль.

И как солнце громадное с черной звездой,
На груди их сияли кобзы,
И алмазной была перевита слюдою
Борода их от горькой слезы.

А метелицы с облаков черных ромашки
Обрывали, пушистые, белые,
И на рваные свиты соткали рубашки

И на руки их обледенелые.

И сидели они, как святые из мрамора,
И недвижимыми стали персты,
Только души неслися их вещице за море,
Далеко от последней версты.

Уносились на паперть они белоснежную
Иисусова монастыря,
Где когда-то душа зародилась безбрежная,
До неволи земной кобзаря.

Только пальцы зачем-то стеклянные выюги
Пробегают еще по струнам,
И таинственный из-за серебряной фуги
Слышен голос, понятный лишь нам.

И всё выше вздымались по степи сугробы,
И еще не погасла заря,
Как навеки сокрылись в алмазовом гробе
Два прозревших в раю кобзаря.

Сумерки

Окровавленные закатом крыши.
Малиновый по холмам воротник.
В оранжевой эмали реют мыши,
И где-то песен плещется родник.

Ave Maria слышится всё тише,
И далеко умчался мой двойник,
Ракетою взвивается всё выше
Он в бездну синюю, – а я поник.

Я с сердцем, беспощадно сжатым в клещи,
Сию, в безбрежность устремляя взор,
И кажется мне в раскаленной печи

Уже сгорающим земной позор,
И голос родины, такой зловецкий,
Не слышится из-за потухших гор.

Аграф

Меж пиний почерневшими кораллами
Аквамарины дремлющих долин.
Меж сердоликами червонно-алыми
Пылающий спускается рубин.

И тихо-тихо черными кинжалами
Грозятся кипарисы у вершин.
Цикады оглашенными хоралами
Царя мирских напутствуют глубин.

Ты руку подняла и, тоже алая,
С восторгом вдруг произнесла: Смотри!
И мысль явилась у меня удалая:

В аграф, какой не видели цари
Микен, собрать сокровища немалые
Вечерней Эос. Вот они. Бери!

Ноктюрн

По синему разбрызгана брокату
Вселенной лихорадочная ртуть.
Луна посеребрила всё по скату.
Несут кого-то. Тени. Шепот. Жуть.

Кто почести оказывает брату,
Что свой последний совершает путь?
Ученики ль идут вослед Сократу,
Познавшему в Элизиуме Суть?

Нет, это прах безвестного колона
С тупым, неповоротливым мозгом,
Но перед тайною земного лона

Мы все склоняемся, как пред врагом,
Как дивная коринфская колонна
Под неуклюжим скифа сапогом.

Улей

Ты видела ль, как в рамочные соты
Задельвают выброженный мед
Амвросии мохнатые илоты?
Так, человека перезревший плод

На колумбария подняв высоты,
Ячейку цементирует наш кустод.
Там мед душистый, символ красоты,
Здесь тлен земли непрошенных господ.

Но так ли это? Глянь! Над Camposanto
Причаливает облачный челнок...
И вот уж за серебряные ванты

Душ обвивается живой венок,
И непрерывные идут десанты
На Рая нежно зыблемый песок.

Ave Maria

Что невесомей белоснежной шали,
Арахнэ сотканной в горах Ангоры?
Что дымчатеи Louis Quatorze эмали
Иль Фрагонаровых фантазмагорий?

Что гармоничней кружевной детали
В подножном мире услаждает взоры?
Что в зарубежные уносит дали
Скорей Мойсея заповедной торы?

Глянь в час заката в книгу голубую
Развернутых в полудремоте гор!
Ave Марийное в них аллилуйя!

Всё, всё забудь, страданье и позор!
Уста с устами слей для поцелуя,
В мистический вляись вселенной хор!

Ночь

Зелено-синий занавес из плиса
С волнистых гор угрюмой бахромой.
Мечи вознесенные кипарисов,
Кого-то поджидающих на бой.

Сияние алмазовых нарциссов,
Разбросанных с безумной щедротой.
Луна – серебряная абатисса.
Загадочность. Безмолвие. Покой.

Две тени по кладбищенской дороге
Ползут меж черной паутиной дрока,
Беседуя вполголоса о Боге.

И две души, два мировые ока,
Слиянные в божественной эклоге,
Уносятся далеко, так далеко!

Литания

Зеленое зыбится море пиний
Несметной ратью храмовых свечей.
С холма на холм в безбережности синей
Волнующий сознание мавзолеей.

И мы со дна его зеленых скиний,
Вдоль кипарисов пасмурных мечей,
Взвиваемся в лазоревый триклиний
Через чистых звезд алмазовый ручей.

Нас только двое, атомов влюбленных,
Рукой бесстыдной жизни оголенных,
Но до конца доволочивших крест.

Пусти нас, Эросом Твоим спасенных,
Пусти нас, красотою окрыленных,
Пусти на Рая золотой насест!

Пиния

Как канделябр из красного гранита
С зелеными свечами, в гроты синие
Подъемлется в скале из сиенита
Громадная сияющая пиния.

И снова сиракузской Афродиты
Певучие мне вспомнились линии,
И я, алтарные обнявший плиты,
И меж колонн свирепые Эриннии...

В безгрезный я порвал свои оковы,
В чудовищный пророчествовал век.
Богов последних доваял Канова,

А я в пустыне создающий грек,
Монах-затворник я средневековый,
Готический по думам человек!

Полярная царица

Пышет зноем. Серебристым глазом
Упоенная мигает даль.
Кипарисы по горящим вазам —
Черная по золоту эмаль.

Небо, упоенное экстазом,
Серебристо-голубая сталь,
И прошедшего по крайним фазам
В нем серпочка лунного печаль.

Бедная полночная сестрица,
Божия лампадка, заблудиться
Как могла ты в полудне жестоком?

Но не так ли за кровавым роком,
Убиенная мечом широким,
Побрела Полярная Царица!

Мурена

Всё чаще смерть, как черное виденье,
Суфлирует мне что-то из-под сцены,
И опротивело мне это бденье
Прожорливо виющейся мурены.

Вот, вот опять несносное шипенье
Я слышу из волнующейся пены,
И черная спираль в одно мгновенье
Взвилась со дна на бьющиеся вены.

– Довольно, братец! Наигрались в прятки
С тобой давно мы. Песни, пляски, битвы —
К чему они? На илистой кровати

На лезвее плясать не будешь бритвы!
Протягивай израненные пятки,
Шепчи заупокойные молитвы!

Экстаз

Неба не видно, море в алмазах,
Блеск нестерпимый, блеск несказанный,
Блеск ни в каких звуконосных экстазах,
Блеск, никакими кистями не знанный.

Призрачны тени в горящих топазах,
Мелькают в даль голубую тартаны,
Призрачно души в сверкающих рясах
Реют за ними в жемчуг осиянный.

А! Сколько света! В алмазе стогранном
Больше не может быть блеска и света!
Роза! Царевина в царствии странном!

Роза! Царевина в царстве Поэта!
Жарко устами к открывшимся ранам
Смело прильни... Эта песня допета!

Без веры

Без веры я пою пеан несложный,
Вакхический Создателю пеан,
Лазоревый, бушующий, тревожный,
Как этот беспредельный океан.

Без веры замок строю невозможный
В бессмертия космический туман
И красоты приемлю призрак сложный,
Теря кровь из незаживших ран.

Без веры я молюсь на привиденья,
И сладкий песнопенья фимиам
Возносится в иллюзии владенья,

В многоколонный, облачный мой храм.
И всё вокруг одно лишь сновиденье,
И сам я луч, скользящий по волнам.

Музыка вечности

Бушуй, бушуй, лазурной литании
Века неумолкающий напев,
Ревь, ревь, невидимой стихии
Божественный, неумолимый гнев.

Такая буря в сердце у России
Ненасытимый поднимает зев,
Такая пред явлением Мессии
Сметет навеки Неразумных Дев.

Такая музыка перед созданием
На океане мировом звучала,
И после Страшного Суда дыханием

Ее развеется и смерти жало,
И всё вокруг, что внемлет с содроганьем,
И нет ей ни конца и ни начала.

Реликвия

Мне снился сон невероятный,
Неповременный, странный сон.
Я был в пустыне необъятной,
Одетый в облачный виссон,
Я был ничем, простым атомом
В лазурном вечности зобу,
По Божьим я вился хоромам,
Хоть в каменном лежал гробу.
Лежал в целительной истоме,
Как хризалида под листом,
Как яблочко в гнилой соломе,
С холодным в черепе свинцом...
И вдруг запели, застучали
Лопатами над головой,
И в царство черное печали
Ворвался лучик золотой.
Плита скатилась, гроб раскрылся,
И в митре золотой старик
Над черепом моим склонился,
И возбужденный, страстный крик
Раздался в синесводном храме,
И тысячи молящих глаз
Глядели, как в зеркальной раме
Меня постлали на атлас
И на алтарь воздвигли пышный,

И пали, славословя, ниц.
А с купола глядел Всевышний
С гирляндой шестикрылых птиц,
Слетевших, как бывало, в гости
Из рая дальней стороны
На бедные поэта кости,
И пастыря слова слышны:
– Он был последний Твой воитель
В безбожников холодный век.
У ног Твоих за то, Спаситель,
Пусть успокоится навек!

Перед грозой

Душно, страшно... Небо как свинец,
Море как безбрежная лагуна,
И пугливая убрала шкуна
Перед бурей парусный венец.

Душно, страшно... Пламенных сердец
Оборвались трепетные струны.
Тайны жутко неразгадны руны,
Цепи душит миллион колец.

Бога нет. Скончался Бог вчерашний,
В рукотворных идолах застыл.
Именем святым скрывают шашни.

Творчества же юношеский пыл
Новые не воздвигает башни
В звездную над головою пыль.

Морской псалом

В море остров есть чудесный,
Мореходам не известный.
Только чайки там летают,
Только пчелки собирают
Мед душистый меж скалами,
Только синими перстами
В снежных кружевных перчатках
Волны на морских лошадках
Там на берег темный скачут.
Там не сеют, там не плачут,
Не рождают, не хоронят,
Не равняют и не гонят.
Там один лишь я с мечтами,
Как неведомый Гаутами,
Высечен в скале, сию
И на океан гляжу.
Чайки на меня садятся,
Пчелы из меня роятся,
Мохом я покрыт везде.
Отражение в воде
От меня идет такое
Многоцветное, живое,
Что душа моя совсем
Погружается в Эдем,
Что слова мои крылом,

Как божественный псалом,
У небесного порога,
В сердце проникают Бога...

1931

Лестница

Где это было? В царстве сна.
Мне снилась черная стена.
Над ней дворец дедов старинный,
Обросший всюду паутиной.
Вокруг столетние дубы,
Как в храме темные столбы,
Столбы корявые, как руки,
К Отцу простертые от муки.
И от дворца к лазури моря,
Где, с тучами в побеге споря,
Кипели волны, как отвес
Висела лестница чудес,
Висела лестница из мрамора,
Спускавшаяся прямо на море.
Ступенек триста пятьдесят,
Как их от страха сосчитать?
Блестят, слепят, как полированы,
Как будто бы из стали скованы.
И я спуститься должен вниз
До самых этих синих риз,
Не знаю почему. Лоло,
Кузен покойный, как назло,
Спустился только что походкой
Порхающей и ждет там с лодкой.
Я не хочу, но сверху враг

Направил в грудь мне сотни шпаг.
В мозгу костер, на сердце клещи,
Провал страшит меня зловещий.
Приник к ступеням я пластом,
Вонзился в камень синим ртом.
И всё качусь, качусь всё ниже,
И к синей пропасти всё ближе...
Что это? Жизнь, моя, твоя,
Сокрытый символ бытия.

Брызги

Я атом мыслящий в пространстве
Пустыни жуткой мировой,
Я лучик Божий, что от странствий
Поник обугленной главой.

Вулкан я со словесной лавой,
Текущей в синюю волну
По пеплу истины лукавой,
Клонящей к гордости и сну.

Во время грозных извержений
Во мне мой праотец Орфей
И столько вещей откровений,
Что создается и без фей

Мир ирреальный, настоящий,
Каким он должен в слове быть,
Чтоб каждый, божество таящий,
Нашел в нем Ариадны нить.

Оборотень

Как хорошо себе казаться
Всем, всем, но только не собой,
В лучах полуденных купаться
Хотя бы жалкой мошкаррой,

Гонимой ласточкой стрельчатой;
Иль перепончатую мышкой
В шубеночке своей мохнатой,
Живущей у меня под вышкой.

А если показаться тучей
Себе гремящей грозовой,
Иль на море волной могучей
С жемчужной, буйной головой,

Иль парусным в лазури бригом,
Дробящим свежую волну, —
То чистым, вдохновенным мигом
Я Божью б искупил вину.

И эта мне дана способность:
По временам не быть собой,
При жизни уходить в загробность,
Быть шелковистой травой,

Быть птицей, атомом, пылинкой,
Межмирья сказочным лучом,
Волнами движимой песчинкой,
Душою, вхожей в Божий Дом.

Моя отчизна

Лазурь бесменная,
Лазурь глубокая,
Лазурь атласная!
Люблю я вечное,
Как ты безбрежное,
Как ты бесцельное,
Как ты духовное,
Цветами полное,
Цветами звездными,
Как ты поэтами
Лишь выразимое!
Тебя уж с детства я,
Теперь далекого,
Стремился выразить
В Поэме Хаоса,
В лице Создателя,
В лице Спасителя,
В лице тревожного
Поэта Демона!
Тебя бесменно я
Молил о ясности
Сознания бедного,
Сознания атома
С лучом Создателя
И вдохновением

Подчас Спасителя.
Тебя, лазурная
Обитель Вечности,
Любил любовью я
Всегда пророческой
Поэта, нищего
Душой и родиной!
В тебе, далекой, я
Живу мечтанием,
В тебе летаю я,
Как тучи вольные,
Как птицы малые,
Как солнце красное,
В тебе исчезну я,
Наверно, завтра же,
Отчизна синяя,
Отчизна звездная!

Невольники

Невольники мы все и эремиты,
Другой судьбы не отыскать нигде.
Земля, невольница своей орбиты,
Бежит на солнца пламенной узде.
Невольники моря и океаны,
Бушующие по лицу земли,
Налитые в гранитные стаканы,
Хоть утопить в их власти корабли.
Невольники полей и склонов горных
Могучий дуб и крохотный цветок,
И умирают все они покорно,
Как кружевной, трехдневный мотылек.
Невольники мы все и эремиты
Среди задымленных острожных стен,
И двери нам к безбрежности закрыты,
Пока земной не прекратится тлен.

1938

Пан

Лежу в траве, гляжу в лазури
Небесной призрачный покров.
В душе предчувствование бури
И слабое шуршание слов.
Вокруг колосья и букашки,
Головки пестрые цветов,
Чирикание незримой пташки
И песни жнущих мужиков.
Стекло небесное на солнце,
Как вышитое кимоно
На стилизованном японце,
Блестяще, змеями полно
Таинственными, и волнует
Опять несказанно оно:
Безбрежное в нем сердце чует,
Распахнутое тайн окно.
Чем дольше смотришь, тем неясней
Становится сплетение дум,
Тем ощущение прекрасней,
Тем родственней зеленый шум
Колосьев, цветиков, букашек,
Тем незаметней диссонанс
Меж щебетанием резвых пташек
И мной, уже вошедшим в транс
Слияния с подножным миром...

Еще мгновенье – нет меня
С сомненья вечного вампиром,
Нет мысли жертвенного пня.
Я колос, пьяная цикада,
Я раскаленный солнца луч,
Я соловьиная рулада,
Я кружево полдневных туч.

Сестры

Море звуков, звуки моря,
Бездна горя, горе бездны!
Все на свете бесполезны
Противленья: с небом споря,
Только обжигашь крылья,
Только падаешь всё ниже
И с сознанием бессилья
Убеждаешься, что ближе
Пораженье, чем могло бы
Быть оно без мятежа.
Что в твоей бессильной злобе?
Каждая в степи межа,
Каждое движенье сошки
Погребет таких, как ты!
Стой же тихо у дорожки,
Как безвестные цветы,
Тихо грей на солнце кудри,
Серебристые давно,
Соблюдая принцип мудрый:
Жизнь и смерть, не всё ль равно?
Жизнь – начало только смерти,
Смерть – начало только жизни,
Каждый в центре душеверти
Плачет на своей же тризне!

Зеленый луч

Как страшно ночью просыпаться
С закрытым наглухо окном
И в полном мраке убеждаться,
Что жизнь – непостижимый сон.
Слышны шаги во мраке, стоны,
Шуршание незримых крыл,
Хоть знаешь: Божьих легионов
Уже давно и след простыл.
Лежишь, и камень стопудовый
К постели прижимает грудь,
И хлыст свистит в мозгу суровый,
Усугубляя в сердце жуть.
Скорее света! Хоть лампаду,
Хоть крохотного светлячка,
Хоть ноктилюку, чтоб, по аду
Блуждая, видеть хоть слегка.
Скорее солнца лучик алый,
Последний самый пред концом,
Побагровевший, запоздалый,
Над моря бархатным ковром!
Нет, лучше в полуночном страхе
Прижаться к другу своему,
Что рядом, как и ты на плахе,
Склонившись к сердцу твоему,
Застыл, как ангел твой хранитель,

И спящих глаз его на миг
Вообразить себе обитель,
Где целый мир небесных книг
Сокрыт в Скрижали Голубиной,
Где тот зеленый луч сокрыт,
Что мир исподний и вершинный
Когда-нибудь соединит.

Тени

Когда закрыты жалюзи,
А море плещется вблизи,
На кельи белом потолке,
Как на поблекнувшей щеке,
Веселый пляшет хоровод
От серебристых этих вод.
Игривые такие тени
Там мечутся вокруг без лени,
То вниз, то вверх, то впрямь, то вкось,
Без ритма, этак на авось.
И весело мне просыпаться
И чем-нибудь себе казаться
Под их беззвучный милый танец,
И на лице моем румянец
Зажжется от желанья жить.
Увы! недолга эта прыть:
На солнце облако найдет,
И танец бликов вдруг пройдет,
Пройдет бесследно, как у нас
Проходит поколений час.

Румянец

Напротив моего окошка
Стоит багровая стена,
Где черная, как уголь, кошка
На ржавом желобе видна.
Румянцем осени покрыта
Та стенка уж недели три
И капельками маргерита,
Блещающими в час зари.
Но лихорадочная краска
Недолговечна на камнях,
Она – стыдливая лишь маска
И догорит уже на днях.
То престарелых винограда
Зубчатых листьев смертный жар,
То похоронного парада
Уже трагический пожар.
Рубины, жаркие гранаты
Покрыли сочный малахит:
Как венецейские брокаты,
Узор причудливый горит.
Ковров пышней Шехерезады
Едва ль касалась пята,
Атласа радужней наяды
Едва ль холодные уста.
Как эти листья, и поэта

Тысячегранная душа,
Вся пламя, вся потоки света,
Что проливаются спеша.
Порывы ветра и тумана
Слепые, гнойные зрачки
Гасят то пламя неустанно
Волной безвыходной тоски.

Умирающий лебедь

Пой, душа, как лебедь белый,
Умирающий в волнах,
Побежденный, поседельый
В никому не нужных снах.
Кроме ритмов и мелодий
Нет у странников земных
Заповеданных угодий,
И всему начало стих.
Крылья белые по ветру,
Словно парус, распусти,
Жизнь, скорбящую Деметру, —
Всех любя, – перекрести.
Песнопеньем очищенья
Воздух синий понижи
И в последние мгновенья
Путь единый укажи,
Чтобы лебеди другие
Не умолкли за тобой,
Чтобы странники нагие
Выходили с Явью в бой,
Чтоб Пославшего нас воля
До последних в мире дней
Не потухла, соизволя
Мне вернуться в мир теней.

1935

Сумеречница

Полночное у ней на крыльях небо,
Четыре в нем потухшие луны,
Меж ними лик страдальческого Феба,
Распятого на переплет сосны.
Свисает прядь волос на лоб высокий,
И глаз закрыт, но капает с ресниц
Кровавых слез еще ручей широкий
По бархату воскрылий пышных ниц.
Что означает странное виденье,
Таинственный из сумрака прилет?
Желанье ль разрешить мои сомненья?
Иль весть о том, что смерть в засаде ждет?
Прабабушки твоей ночная спинка
Летала подле мертвого Христа
И все, как светописная пластинка,
Запечатлела, видно, неспроста!
Да, неспроста вчера в мое окошко
Ты постучалась и, у лампы сев,
Мне показала, что моя дорожка
Ведет над пропастью в открытый зев
Небытия к уничтоженью мысли.
Я знаю, что плохой я христьянин:
Мы все теперь над бездною повисли,
И чужд нам всем распятый Божий Сын!
Но не заглох кремнистый путь к вершине,

Как видишь, раз на крыльях у тебя
Прочел я повесть о любимом сыне
Всевышнего, в Аиде злом скорбя!

В звездную ночь

Кто там серебряных булавок
Рассыпал по небу лоток?
Кто золотых послал козьявок
Метаться в бездне, как волчок?
Кто звездную по своду крынку
Разлил вселенной молока?
Вопрос нелепый, но былинку
Ли упрекать? Она, пока
Живет, глядит и вопрошает
О том, что над ее челом
Так ослепительно сверкает
За синим вечности стеклом.
Какая ночь! Незримо волны
У скал, незримых также, спят,
Лишь низью жемчужною челны
Лампары на море горят
Да этих звезд неумолимых,
Недостижимых легион.
И жизнь вся для тяжелой схимы —
Непостижимый только сон.
Сон жуткий, непочатый, вечный,
Напрасный так же для ума,
Как этот Путь во мраке Млечный,
Как Божьей мантии кайма.
Но на горе, в каменоломне,

Огонь мистический горит,
Как будто бы Мадонны скромной
Там изваяние стоит.
Да около меня Мадонна
Сидит живая искони
И освещает неустанно
Земные все мои пути.
И обнимая тихо плечи
Ее в полночной тишине,
Я звездные постигнул речи
В неизмеримой вышине.

Недоуменный странник

Я на земле недоуменный странник,
Чужой всему, что мечется вокруг.
Крылатый я Создателя посланник,
Спустившийся в юдоль земную вдруг.
Не знаю, по вине иль любопытству
Попал я в этот низший из миров,
Но, судя по чрезмерному бесстыдству
Подчас ума и горделивых слов,
Я был сюда низвергнут для изгнания,
Как некогда мятежный Люцифер.
Но кончились уж годы испытанья,
И я опять очистился для сфер.
Всё человеческое чуждо стало
Моей освободившейся душе,
И тело брренное плестись устало
В пыли дорог и в снежной пороше.
Меня не тешат орхидеи духа,
На райские похожие цветы,
Сплетенья слов, что невесомей пуха,
И к пропасти ведущие мосты.
И даже мир меня теперь подножный,
Ажурный, ювелирный, перестал
Приковывать в юдоли бездорожной,
Где столько я томился и страдал.
Один брокат меня еще небесный

Влечет к себе в необычайный край,
Подвижный вечно, дымчато-чудесный,
Как созданный Отцом запретный рай.
Следя за облачных фантазмагорий
Великим зодчеством, я хоть на миг
Неисцелимое способен горе
Понять скорее, чем из груды книг.
Но скоро, скоро снова брызнет солнце
В меня огнем и вовсе ослепит,
И всё во мне, как в плавящейся бронзе,
Вдруг золотом словесным закипит.

Этюд

Лазурная, свежая линия.
Печальная, черная пиния.
Два белых за ней треугольника
Уносят в безбрежность невольника,
Влачащего цепи пудовые,
Тоску и мечтанья суровые.
Уносят в безбрежности синие,
Но сам он, как черная пиния,
Над бездной пылающей врос
И впился зубами в утес.

Синий цветок

Синий цветик из могилы
Вырастает кой-когда,
Атом в нем ушедшей силы,
Захороненной туда.
Смотрит цветик этот синий
Очарованно вокруг,
Словно вырос он из скиний
Монастырских тихо вдруг.
Но понюхай синий венчик,
Но взгляни в его зрачок,
Он как Феникс, вечный птенчик,
Он лазурный старичок.

В зной

Полудневым пышут жаром
Плиты пыльной мостовой.
Солнечным вокруг угаром
Опален, полуживой,
Томный, потом орошенный,
Странник движется вдоль стен,
И унылой песни сонной
Тусклый слышится рефрен:
Сколько верст еще осталось,
Сколько пыльных до конца!
Цель совсем близка казалась,
Портик Божьего крыльца...
А теперь всё снова версты,
Версты пыльные вокруг,
Солнечный зрачок отверстый,
Мыслей безызживный круг...

Клубы

Ты видел ли, как по вершинам
Крадутся покрывала туч?
На горном куполе старинном
Сквозь них уже не блещет луч,

Звезда сквозь них не проникает,
Душой овладевает жуть...
Но ты не бойся! Тут, кто знает,
И твой уже намечен путь.

Ведь эти в кружевах удалыцы,
Быть может, снежный хоровод
Восставших. Ласковые пальцы
Духовных это, может, вод.

Ведь всё в твореньи Божьем вечно,
Так почему ж душа твоя
Не может здесь кружить беспечно
До прекращения бытия?

Зачем ей к звездам? Рай повсюду:
Ползти по ожерельям гор,
Морскому поклоняться чуду,
Для душ достаточный простор!

Ангелы

Теперь никто не верит в птиц небесных,
В крылатых Божьих вестников, никто!
И даже дети в ангелов чудесных
Поверить не хотят уж ни за что.
А я, когда мечтательной был крошкой,
Их видел часто, как насущный хлеб.
Пойдешь, бывало, за дворовой кошкой
В соседней рощи сумрачный Эреб,
Послушаешь алмазных в чаще пташек
И тихий шелест дремлющих листков,
Насобираешь радужных букашек
У серебро прядущих ручейков,
Помолишься в часовенке старинной
На черного, как Эфиоп, Христа
И по тропе змеящейся, звериной,
Идешь себе, идешь, – пока верста,
Другая ляжет меж тобой и домом,
Где мать твоя болезная лежит.
Затем устанешь по лесным хоромам
Бродить, как краснокожий следопыт.
Тогда приляжешь на опушке леса
У ручейка на сочную траву, —
И над тобой лазурная завеса,
И над тобой виденья наяву.
Сперва глядишь, как будто с гор высоких

В сияющее море под тобой,
И облаков мониста одиноко
Плывут, как парус в бездне голубой.
Шуршанье крыл потом почуешь белых, —
И ангелов сияющих чета
Появится в лазури, снежнотелых,
Как подле Матери святой Христа.
Так ясно видишь их, что каждый волос
Кудрей червонных можешь сосчитать,
Как на поле колышущийся колос,
И попросить их за больную мать.
Нередко крыльями они касались
Моих горящих от восторга вежд,
Нередко мой простертый в небо палец
Касался ослепительных одежд,
Нередко постигал я даже пенье
Их на Эдема чистом языке,
Нередко жаркое прикосновенье
Друзей небесных чуял на щеке!
Потом исчезло всё, повязкой черной
Перевязала Явь мои глаза,
Познания человеческого вздорный
Открылся путь и злобная слеза...
И только много, очень много позже
Мне Ангела послал и наяву
Отец Небесный на земное ложе,
И с ним уже полжизни я живу.
Бескрылый он, и смертный, и опальный,
Как я, на проклятой Отцом земле.

Но скоро край оставим мы печальный
На радужном небытия крыле!

Мои друзья

Немного у меня друзей на свете,
Но все они крылатые зато,
Все в Новом перечислены Завете,
И не забыт Спасителем никто.

Мои друзья – святые Херувимы,
Архангелы, всё воинство небес:
От первых дней они мне были зримы,
Пока в дремучий я не скрылся лес.

Мои друзья – клубящиеся тучи,
Овец небесных тихие стада,
Плывущий по лазури храм могучий,
Скользящий сам не ведая куда.

Мои друзья – подоблачные птицы,
Орлы вершин и горлинки полей,
Журавль, перекрывающий границы,
И серый под окошком воробей.

Но больше всех люблю я в бездне синей
Парящие в безбрежность паруса:
Они мне в сердце расплавляют иней,
Они мне обновляют чудеса,

Они мне мысли устремляют к Богу
И смысл какой-то жизни придают, —
И снова ищешь для себя дорогу
И для души изъязвленной приют.

1932

Танец

Я скорбящая монада,
Ничего мне уж не надо!
Слово вещее награда
Мне на дне кровавом ада,
Слово русское, простое,
Всем понятное, живое,
Голубое, золотое,
В рубище самом святое.
И когда оно струится,
Райская я только птица,
Золотая мира спица,
Что юдоли не боится.
И пока оно душисто
И, как снежный саван, чисто,
Жизнь моя еще лучиста,
Как небесные мониста.
И никто не может слово
Обезглавить мне сурово.
Слово – вещая сирена,
Брызги радужные, пена,
Слово – снежная морена,
Ключ бессмертья, Гиппокрена.
Кто словами лишь живет,
Не испытывает гнет,
Для того и эшафот —

Вечности лазурный рот.
Я скорбящая монада,
Я словесная менада,
Ничего мне уж не надо!

Сказка о бабушке и внучке

В землю вросшая избушка
Где-то есть в степи.
В ней столетняя старушка
С шавкой на цепи.
Но милее шавки внучек,
Маленький такой,
Что овечек он от тучек
Отличить порой
Не умеет в чистом поле.
Солнце ж и луну
За попа в лучистой столе,
Подойдя к окну,
Принимает и, колени
Преклоня, глядит,
И боится всякой тени,
Что к избе бежит.
Словом, глупый был ребенок,
Бабка не умней:
Та уж от святых иконок
Тысячи ночей
Не отходит, хоть боится
Маслица зажечь,
Хищная в степи чтоб птица
Не могла притечь.
А в степи ее немало,

Привалило, страсть,
От великого до мала
Пожирает пасть.
Что за пасть? А кто запомнит
Все их имена?
Ведь народец в избах темный,
Царь же Сатана
Сто имеет всяких кличек,
Сущность же одна!
Крылышек же, как у птичек,
Нет, чтоб из окна
Улететь за сине море.
Ну, вот и сидишь,
Мыкаешь земное горе
Меж сожженных крыш.
Были красных, белых шайки,
Черный был Махно,
Пулеметы и нагайки,
Но уж так давно!
Были немцы, австрияки,
Грабили на всех
Эти языках вояки,
Так что плач и смех.
Но теперь уж взятки гладки,
Шавка что за суп?
Ни одной нет в поле грядки,
Вшивый же тулуп
Дедушкин для генерала
Унесли. Что взять?

Некого погнать за рало,
Черную печать
Посадили на ворота...
Знайте, мол: тут Смерть!
Ни одна с тех пор уж рота
Не глядит за жердь.
Стало хорошо, спокойно,
Словно всё опять
Православно и пристойно,
Как при букве ять.
Но как жить? Живут же звери
Вовсе без огня,
На замке не держат двери,
Не имеют пня.
Летом бабушка и внучек
Те же муравьи,
И, не покладая ручек,
В роще, меж травы
Собирают, зарывают
В чистом поле всё,
Даже немцев ограбляют
Спящих. Эх, житье!
Но зато страна родная,
Неба же никто
Не испакостил, сжигая
Русское Ничто.
Но зато, как прежде, степи
Безоглядны там,
Страшные на теле цепи

Не вредят мечтам.
Внучек, внучек, оставайся
Ты навек таким,
По родным полям скитайся
Маленьким таким.
Ты ж, бабуся, не старейся,
Хватит сотни лет,
Да на русском солнце грейся,
Лучшего ведь нет!
Ты ж, избушка, не валися,
Бури перестой,
Чтоб отсюда начались
Дни страны святой,
Той страны, что кровью чистой
Мы полили все,
Силой распяты нечистой
В дней своих красе.

У бассейна

Зеленый, мутный глаз бассейна,
Над ним мой черный силуэт.
Вокруг стоят благоговейно,
Незримо те, кого уж нет.
Я чувствую, что мертвых души
Со мною на воду глядят,
Как будто от кровавой суши
Спастись на мутном дне хотят.
А там без мысли, без улыбки,
Лениво шевеля хвостом,
Кружатся золотые рыбки
С бессмысленно раскрытым ртом.
Глаза их только отражают,
Как зеркало, юдольный мир,
Они не жаждут и не знают,
И жизнь их – безразличный пир.

Агатодемон

Агатодемон я, Дух Моря
Отныне, позабывший горе,
Покрытый кружевом алмазным
И зыбким жемчугом экстазным.
Итак, свободен я совсем,
И никакой не нужен шлем
Мне для защиты от врагов.
Ничьих не страшно мне шагов,
Ничьих звериных голосов.
Не нужен мне теперь засов,
Ни шапка-невидимка,
Ни Иудины ефимки.
Я сам себе и царь и раб.
И ни один уже мне краб,
Ни спрут, ни жадные акулы,
Ни человеческие скулы
Не страшны. Я сильнее всех,
Я голубой вселенной смех,
Я серебро и киноварь,
Я самый древний в мире царь.
Я мантией своею землю
Опоясал, я звездам внемлю,
Сестрам своим, но я звучней
Гармоний сфер, я всех слышней,
Когда алмазные полки

Моих коней идут на приступ,
Когда пустынные пески
Иль фьорда пасмурного выступ
Я покрываю жемчугом.
Я в измерении другом,
Я вечно старый, вечно новый,
Я ласковый, как мать, суровый,
Как в Иосафате Бог-Судья,
Я Альфа и Омега я.

Смотри! Из-за плеча мне солнце
Глянуло в синее оконце.
Оно мой друг, оно мой брат,
А я оранжевый брокат,
Сверкающий миллионом свеч,
Как исполинский Божий меч,
Как серебристая фата,
Как белых ангелов чета!
Вдали камеи-острова,
Росистая на них трава.
Вблизи игривые дельфины
Ныряют в синие кувшины,
Вблизи чернеющий фрегат
С коралловым крестовым лесом,
Но он мне милый, младший брат,
Хоть и не служит он принцессам
Давно, хотя Руделей нет.
Но всё ж я и теперь поэт,
Хотя зыбучий и безбрежный,

Бесформенный совсем и нежный,
Как ожерелье перламутра,
Как нега солнечного утра.

Но вот я вдруг забушевал.
Дыбится озлобленный вал,
Не кони это уж, а горы.
Куда ни обращаешь взоры,
Всё исполинские гряды,
Всё богатырские ряды,
Седые всё бородачи.
Булатные вокруг мечи,
И грохот, шум, зубовный скрежет
Такой, как будто Гитлер режет
Ничем не винные народы,
Как будто адские исподы
Заклокотали из вулканов
Для укрощенья океанов.
А! Сколько пенистых сирен
Поет средь голубых морен!
А! Сколько дерзостных тритонов
Повылезало из затонов!
Всё яростней морские глотки
Подводные ломают лодки
И боевые крейсера:
Что ни удар в кузов – дыра!
Сильней, сильней вздымаю плечи,
Мне надоели эти сечи:
Риторика военной грохот

Пусть поглотит мой синий хохот!

Смотри! Полярный, вечный мрак.

Поля необозримых льдин.

Забывтый корабельный прах.

Живого только я один.

Полярный свет луны милей,

Природы строгий мавзолей.

Кой-где меж льдинами вода,

Казачья морда иногда

Недоуменного моржа,

Слоновой кости два ножа,

Лениво пляшущий медведь,

В зеленую глядящий медь

Промоины, смешной пингвин,

Да я один, совсем один.

Как хорошо, что всё мертво,

Как девственное естество,

Как Хаос, вечный наш Отец.

Как возвращенье наконец

В него отраднo для души!

Как звезды снега хороши!

Я сам такая уж звезда,

Замерзнувшая навсегда,

Геометрический цветок,

Словесных атомов моток,

Исчезнувшее в вечность я,

Лазурный символ бытия!

Полдневный ноктюрн

Зеленый, мутный глаз бассейна.
Ликующий весенний день.
Деревья шепчут тиховойно.
Один лишь я – ночная тень.
Как синие в лазури стрелы,
Касаток быстрых карусель.
Вблизи, от солнца угорелый,
Скворец налаживает трель.
Но вот комок какой-то серый
На перепонках из слюды,
Из ближней где-либо пещеры,
Слетел на серебро воды.
Что это ты, ночная мышка,
На солнечный явилась свет?
Ослепнешь вовсе от излишка,
Как, видишь, уж ослеп поэт.
Но вот она вокруг бассейна
Кружиться стала, как юла,
Бессмысленно и бесколейно,
Как будто век уж не пила.
Потом, заметив черный, мрачный
Мой на бассейне силуэт,
Ко мне всё ближе, всё удачней
Прицеливалась, как на свет.
И вдруг упала мне на сердце,

Как нежно любящая дочь:
Она в полдневном, видно, скерцо
Почувствовала, что там ночь.

1941

Из тайника души

Вдали шуршит камыш высокий,
Как море целое мечей.
Над ними кобчик одинокий
И солнца миллион свечей.
Как жарко. Как на грядках дышит
Блаженно овощный народ!
Лягушки млеют, с писком мыши
Бегут под норки черный свод.
Где это? Где-то у Лимана
Иль на речушке там в глуши,
За сизой полосой тумана,
В глубоком тайнике души.
Как хорошо на той речушке
Следить за красным поплавком,
Лежа в траве, как на подушке,
С блаженным, солнечным зевком.
А неподалеку веранда,
Гостеприимный самовар,
Над сахарницей сарабанда,
Над чайником струится пар.
Там мама, бабушка, сестрица,
Там очень вкусный кренделек...
И вот летишь, летишь, как птица,
Через болотистый лужок...
Увы! Чрез полосу тумана

Теперь никак не пролетишь:
Она безбрежной океана,
А я – подрезанный камыш!

Драконы

Сияли звезды, как иконы,
Миллиарды лет тому назад,
Но на земле уже драконы
Всю жизнь преображали в ад,
Себе подобных пожирая,
Деревья пламенем ноздрей
Тысячелетние сжигая,
Взрывая глубину морей.
Сияли звезды, как короны
На синей голове Творца,
Но брюхом лютые драконы
Лишь славили везде Отца.
Зачем Он создал первозданных
Таких летающих обжор
Меж этих синих, бездыханных,
Покрытых лилиями гор?
Там серафимов легионы,
Ему поющих: Свят, свят, свят!
Здесь кровожадные драконы
Опустошение творят.
Одна лишь серенькая птичка,
Какой-нибудь там соловей,
Спасается, или синичка
Меж самых выпрених ветвей;
Спасается и благодарно

Пускает радостную трель,
И всё вокруг, что так кошмарно,
Как будто бы имеет цель.
Миллиарды лет спустя всё то же,
Драконы те же, соловей,
И только Ты сокрылся, Боже,
В свой синий звездный мавзолей!

Птица Карморан

Я видел птицу Карморан,
И поэтический Коран
На перьях у нее прочел,
И стал, как праотец наш, гол,
Стал мудр, как малое дитя,
И стал глядеть на все шутя.
И исцелила сотни ран
Мне эта птица Карморан,
Как радуга на небесах,
Сверкавшая в семи цветах,
Как голубь теплая, как мать,
Склонившаяся на кровать
Больного сына своего,
Что для нее лишь божество.
Я видел птицу Карморан,
И исцелились сотни ран
Таких глубоких, что сквозь них
Просвечивает звездный стих.
Кто видел птицу Карморан
Сквозь этот жизненный буран,
Тот знает, что и сам погост —
Мерцанье только тихих звезд.

Мак

В шелковом плаще стоит он,
С черным на груди крестом,
Фуриями зла испытан
За иссеченным щитом.

Посмотри, вокруг всё бледно
Перед пламенным цветком,
Лепестки его победно
Рдеют, как костер, кругом.

Гость непрошенный на клумбе,
Гость, не сеянный никем,
Ветер, что не знает румбы,
Нес его, как Полифем.

Крохотное было семя,
Меньше точки нонпарейля,
Но пришло ему вдруг время:
Выросли такого зелья

Распрекрасного пружинки,
Что вокруг цветы – вассалы,
Незаметные былинки
Перед этой сказкой алой,

Перед этим кавалером
С черным на груди крестом.
Пусть послужит он примером
Нам, умученным постом.

Нечего в тени скрываться,
Нечего лежать в подвалах:
Нужно в пурпур наряжаться,
Нужно расцветать в обвалах!

Палитра

Охра, золото и миний,
Стрелы света и огонь!
Сверху купол темно-синий,
Облачный на дыбах конь.
Две уже зажглись планеты,
Два небесных маяка,
Две космических ракеты,
Два бриллиантовых цветка.
Это Божья в небе митра,
Пафос творческий на миг,
Мага старого палитра,
Лучшее, что Он воздвиг.
Миг один, Фата Моргана
Превращается в ничто.
Всё опять серо, погано,
Как гнилое решето.
Всюду колос лишь спорыни,
Колос черный, да овсюг...
Сверху купол темно-синий,
Звезд бесчисленных жемчуг,
Но на них глядеть устали
Потускневшие глаза...
Мелкие внизу детали,
И со щек катит слеза...

Последний час

Затишь. Серебро живое.
Миллиард свечей. Атлас.
Сад оливковый на зное.
Черный в пламени баркас.
Тихо всё. Лишь рыбка быстро
Хвостиком в лазурь плеснет
Иль серебряная искра
В сонном воздухе блеснет.
Даль и нежится и млеет,
Как ребенок, пьющий грудь,
Всё в сознании розовеет,
Как на солнце первый груздь.
Ничего уж не желаешь,
Ничего не мыслишь тож,
Словно облак белый таешь,
Шествуя, как старый дож,
На венчанье с синим морем,
На мистический обряд,
Распроставшись с вечным горем,
Расплескав по скалам яд.
Ведь и я иерей незримой
Церкви Божьей на земле,
Ведь и я, как серафимы,
Рею на больном крыле,
Ведь и я живу вне жизни

Для лазурных этих слов,
Хоть и вьюсь в пыли, как слизни,
Меж сгнивающих гробов.
Затишь. Серебро живое.
Миллиард свечей. Атлас.
Я пылаю, догорая:
Это мой последний час.

В золотой раме

Я вижу золотую раму,
Громадную, как Божий мир,
Но в ней не моря панораму,
Не снежный в облаках Памир.
В той раме ничего не видно:
Внизу, глубоко, горизонт,
Внизу житейская ехидна,
Внизу и самый Ахеронт.
В ней синева лишь золотая,
В ней мелодичный полдня зной,
В ней мотыльков чета святая
Кружится в бездне голубой.
Два белых мотылька-пушинки,
Как хлопья снежные, летят,
И эти чистые снежинки
Лишь друг на дружку всё глядят.
Как эти лепестки живые
Попали в центр мировой?
Зачем им бездны голубые,
Покой зачем им гробовой?
Вихрятся белые спирали,
Порхают лилий лепестки,
Затем падут, полны печали,
На раскаленные пески.

Гнездо стрижей

Там, в Бессарабии моей,
Я родился в гнезде стрижей
На колоколенке старинной
Над бесконечною равниной,
Средь пышных виноградных лоз
И красных на кладбище роз.
Вблизи сверкал лиман Днестра,
Вдали синела бирюза
Угрюмого, седого Понта,
И два я видел горизонта:
Червонный степи, синий моря,
Не ведая нужды и горя.
В два месяца я вырос так,
Что ни коты, ни лай собак
Уж не пугали нас в гнезде.
С родителями в синеве
Летали мы, как по канве,
Пища иероглиф крылом
В вечернем небе золотом.
И жизнь стала вся полет, —
Кто не летает, не живет!
Над мутной грудью реки,
В свои зарывшейся пески,
Летал я, над морской волной
В жемчужных брызгах, как шальной,

Летал над морем золотым
Колосьев, радостно святым,
Над винограда янтарем,
Над сельской церкви алтарем,
Летал меж белых облаков,
Меж черных грозовых полков,
Меж молний яростных и грома,
И всюду был я в небе дома.
Лишь холода боялись мы
И нескончаемой зимы.
От них мы улетали вдаль
Через синюю морей вуаль,
К царице рек, в долину Фив,
Где хоть и нет подобных нив,
Но где священна старина,
Где вечная царит весна.
И снова тот же всё полет, —
Кто не летает, не живет.
Там жарче синева, и медь
Заката ярче в Фивах ведь,
Но Море Черное милей
Мне было пламенных степей
Песчаных и реки святой.
И каждой новою весной
Я возвращался на лиман
Из опаленных солнцем стран.
Пока и мне пришел черед,
Покинув синий небосвод,
Низринуться в угрюмый Понт,

Как грешники на Ахеронт.
На берегу стояла мать
С ребенком в чреве: погулять
Она спустилась на закате,
И на пылающем брокате
Полет наш плавный созерцала
И непонятное шептала.
Я полюбил ее, и вот,
Когда окончен был полет,
Назначенный мне как стрижу,
Оставил синюю между
Понтийских я стремглав небес,
Исполненных таких чудес,
И бросился к ее ногам.
Она склонилась и к устам
Меня прижала, чтоб согреть,
Потом к груди, но отогреть
Меня ей всё ж не удалось!
Сердечко снова не зажглось,
И крылышки, потрепетав,
Поникли навсегда, устав.
Но дух умершего стрижа
Как лезвие приник ножа
К груди пречистой этой девы,
К лежащему младенцу в чреве,
И в сердце нерожденном вновь
К полету синему любовь
Свою безумную погреб.
Мертвец восстал, открылся гроб,

И я родился снова в мир.
Но это был уже не пир,
Какой справляет в небе стриж,
А гибкий, мыслящий камыш,
Преобразившийся в свирель,
В сплетеньи слов познавший цель,
Но это был уж крестный путь
И творчества земного жуть.
О них уж столько я писал,
Что счет элегий потерял.

Синяя стрела

Я синяя стрела в лазури,
Я странный, смелый иероглиф,
Поднявшийся на крыльях бури,
Столетий канувших лекиф.

В гнилой я, правда, оболочке,
Но этот мой земной двойник
Лежит в нетесаном гробочке,
Пока небесный я пикник

Свершаю ласточкой стрельчатой,
Пока пишу мистерий вязь,
Еще словами не початых,
С безбрежностью вступая в связь.

Закат

Небо как котел латунный,
Как гигантский самовар!
Золотые в небе струны,
Синий на небе кошмар.

Рая только вот не видно,
Хоть и гредишь наяву,
Ангелов святых не видно,
Хоть и в Боге я живу.

Там пространство, светогоды,
Звездная без счету пыль,
Тайны матери-природы,
Степи лунные, ковыль.

На латунном этом небе
Олимпийских нет богов,
Не снести оттуда Гебе
Уж амвросии для слов.

Ласточки там лишь, в гирлянды
Невесомые свиясь,
Плавно пляшут сарабанды,
Устанавливая связь

Мелодичную с безбрежным,
И живешь опять на час
В созерцаньи бесполезном,
Словно Бог не только в нас.

Понтийский этюд

Пахнет тиной и гудроном,
Пахнет липкою смолой.
Чайка белая со стоном
Звонко реет над волной.
По камням зеленым крабы
Тихо крадутся бочком,
Слышен моря лепет слабый
За песчаным бугорком.
С матерщиной две рыбалки
Собеседуют вблизи,
Мажа черные, как галки,
Плоскодонки на грязи.
Грязные у них рубахи,
Ноги – черные карги,
Лица бронзовые даки,
Рима лютые враги.
Мажут донья черным квачем
Из кипящего котла;
Чайка созерцает с плачем
Их работу, без крыла
Хоть малейшего движенья.
Созерцаю также я,
Без малейшего сомненья
В странной сути бытия.
Море блещет, туч рельефы

Красочны, как никогда.
Неба голубые нефы
Не влекут уж никуда.

На подушке

Я скоро, скоро брошу тело
На пожирание червям,
Как облачко, что пролетело
Сейчас, взвиваясь к небесам.

Я заклублюсь, как дым священный
В кадилънице пред алтарем,
Лазурью чистой опьяненный
Пред страшным Хаоса Царем.

Я не живой уже с полжизни,
Я не живой, я не живой,
Как на бездушном трупе слизи.
Я взвился дымной головой

Давно уже через окошко
В межмирья голубой эфир,
Где звезд рассыпано лукошко,
Где тишина и вечный мир.

Ведь то не я, что на подушке
Горячей в небеса глядит,
Подобно дремлющей лягушке,
Что меж кувшинками сидит.

Чайки

Море слов, крупица смысла!
Только шустрый воробей
Может чопорные числа
Принимать за суть вещей.

Слово наше – лишь палитра
Для создання небылиц,
Слово – это Божья митра,
Аллилуйя певчих птиц.

Из него мы строим замки
На вечерних облаках,
Им перетираем лямки
На израненных плечах.

Но оно не может тайны
Божьей роковой открыть:
Атом естества случайный
Чайкой только может быть.

Чайки с символами птицы,
Что чаруют всякий взор;
Где они, там нет темницы,
Там бушующий простор,

Крыльев звонкое там пенье,
Но познания тайны нет,
Как в основе пенопеня
Твоего, больной поэт!

Ящерица

Будь как ящерица эта,
Что бежит через дорожку,
Как зигзаг зеленый света,
Грациозно ставя ножку.
Глазки у нее – лампы,
Любопытные зеркала,
Что глядят на мир, услады
Полные, как я, бывало.
Греть брюшко свое на солнце —
Всё ее здесь назначенье,
Да на глазок темном донце
Божье отражать творенье.
А когда зима приходит,
Спать в своей глубокой ямке,
Спать подобно всей природе
На отставленном подрамке.
Будь как ящерица эта,
Грей затылок на скамейке,
Да запой опять от света,
Подражая канарейке.
Если ж не поется, в норке
Спи, свернувшись, без просыпа,
Как на этой черной горке
Спит величественно липа.

Ритм

Мы, поэты, вне пространства
И вне времени живем.
Слово наше – всё убранство,
Ритм для нас – отцовский дом.
Ритм – всё наше достоянье,
Вечности он всей язык,
Бога самого страданье,
Звезд неутомимых крик.
Ритм – всего первооснова,
Сердце вечности самой,
Он до Бога и до Слова,
Он ничей и только мой.
Я им душу выражаю,
Я им искупаю грех,
Я им Бога осуждаю,
Я с ним царь среди прорех.
Ведь душа как колокольня,
Устремленная в лазурь:
Только лишь ей станет больно
От юдольных этих бурь,
Как она по вертикали
Вырастает и звонит,
Чтобы все ее печали
Превратились в Харит.
Ритм – душевная нирвана,

Ритм – возвышенный покой,
Голос звезд и океана,
Голос вечности самой.

Мертвые звезды

Как меж листвою темной померанцы,
Небесные светила пляшут танцы.
Я, черный Ангел, посещаю звезды,
Безмолвные безбрежности погосты.
Иные лишь слепящие гиганты,
На Божьей митре яркие бриллианты,
И, прикрывая белой дланью очи,
Я улыбаюсь им из мрака ночи.
Но есть и звездные там плащаницы,
Как мертвые погаснувшие птицы,
И я на них бестрепетно слетаю,
На города усопшие взираю,
На мертвые Флоренции и Римы,
Где черные однажды серафимы
Творили красоту еще в изгнаныи
И верили чему-то в издыханыи.
По временам на этих страшных трупах
Еще сражаются, на роковых уступах,
Свирепые двуногие букашки,
И мертвые вокруг смердят рубашки.
И кто-нибудь поднимет злобно митру
И застрочит свинцом, но я палитру
Подъемлю радужных небесных крылий
И улетаю от земных идиллий.

Волна

Гора идет, гора прозрачная,
Гора зеленая, жемчужная.
За ней другая, третья, много их
На стилобате моря синего,
На стилобате бесконечности.
Лазурь небесная на волны те
Вокруг как будто опирается,
С жемчужной пеною целуется.
Нет ничего вокруг юдольного,
Ни паруса, ни дыма черного.
Одни лишь кони всё Нептуновы,
Одни сирены лишь с тритонами,
Да крылья чаек всюду белые,
Да я, калика переходящая,
Но не в обличьи человеческого,
А как волна меж волн прозрачная,
Другим волнам прозрачным равная.
Я признаю такое равенство.
Прозрачный я, зелено-синий весь,
Алмазом чистым отороченный,
Свободный я, ничем не скованный,
Путей нетореных желающий,
Преграды грудью разбивающий,
Судьбы своей совсем не знающий,
Мелодии без слов слагающий.

Начало и конец всего,
Лазоревое божество.

Оазис

Зыбучий, раскаленный, желтый
Вокруг меня везде песок...
Мотор рассыпался и болты.
Как перст кровавый, одинок

Я между этих волн песчаных.
Верблюд двугорбый мой погиб,
Друзей на трупах бездыханных
Гиен паршивых вырос гриб.

Вдруг впереди фата-моргана:
Оазис с кущей пышных пальм,
Ручей пленительней органа
И голоса блаженных альм.

Виденье легких райских гурий,
Склоняющих к устам кувшин,
И белый минарет в лазури,
И на балконе муэдзин.

До рая тысяча шагов лишь,
Рукой засохшею подать,
На белой раскаленной кровле
Сестра, быть может, или мать...

И я шагнул сперва невольно
На зыбкий, золотой бугор,
Потом в груди вдруг стало больно,
И опустил грустно взор.

Там люди, там людские козни,
Людские лживые слова,
А час теперь уж слишком поздний,
Прозрела за ночь голова.

Мне не уйти уж из пустыни,
Свобода там лишь, где один
С собой я, голубой и синий,
Забытый всеми Божий Сын.

И обошел я тот оазис,
Как все другие обходил,
Ведь я словесный лишь Амадис,
Крылатый конь мой без удил!

Два аиста

Есть озеро лазурное в раю,
В нем нерожденные живут младенцы,
Что ожидают маменьку свою
С рубашечкой на белом полотенце.

Есть озеро кровавое в аду:
В нем также нерожденные младенцы,
Что ожидают страшную судьбу,
Что выкинет для них свое коленце.

Рождаются из озера в раю
Великие поэты и пророки
И навевают баюшки-баю
На времена лихие и на сроки.

Рождаются из озера в аду
Завоеватели и супостаты,
И Страшному обречены Суду,
И будут на века веков прокляты.

Два аиста живут на тех озерах,
Один, как снег, с ногами из коралла,
Другой, как смоль, с рубинами во взоре
И с желтым клювом, словно из опала.

И белый аист в мир несет поэтов
Мечтательных по три на каждый век,
А черный аист в мир несет атлетов
Воителей, чтоб плакал человек.

Доколе ж будут два гонца крылатых
Носить младенцев этих к матерям?
Как будто бы в блаженных и в проклятых
Есть тайный смысл какой-нибудь и впрямь?

Доколь кружиться будут эти земли
И не потухнут очи двух озер,
Доколь не рухнут хижины и кремли, —
Не прекратятся святость и позор.

Золото

Как иереи золотые,
Крестным вьющиеся ходом,
Ярким солнцем облитые,
Меж задумчивым народом,
Нежные стоят платаны
Вдоль засохнувшей речонки.
Тучи, белые гитаны,
Шелковые рубашонки
Тихо розовым коленом
Продвигая, пляшут в небе.
Тени ползают по стенам,
Словно грешники в Эребе.
Всё убого, лишь платаны
В облаченья золотые,
Как иереи, все убраны,
Как церковные святые.
Нищие под ними ходят
Озабоченные люди,
Споры всякие заводят
Об обогащенья чуде.
Но древесные иереи
О нужде такой не знают
В неба синей галерее
И червонцы оброняют,
Полновесные цехины,

Кипы красных ассигнаций,
Радужных листов лавины,
Словно в утро коронаций.
И летят они по ветру,
Как крестовые галеры,
И на спящую Деметру
Смотрят сонно кавалеры.
Серебро горит доспехов,
Рыцарей Христовых очи.
Много падает орехов
С веток, жажда зимней ночи.
Золото, куда ни глянешь,
Красное, как кровь заката,
Собирая, не устанешь,
Не пойдешь войной на брата:
Это золото поэта,
Золото для живописца,
Для афонского аскета,
Для нагого бескорыстца.
Этим золотом богаты,
Без одежды, без сапог,
Мы, спешащие в палаты,
Где живой сокрылся Бог.

Последняя песнь

Я иду тропинкой узкой,
Заячьей иду тропой,
Разговаривая с кузькой,
Что упорно, как слепой,
Лезет в колосок пшеницы.
Меж колосьев слышны птицы,
Жаворонки, перепелки,
Голоса острей иголки.
Гнезда на корнях пырея
Как клубук архиерея.
На обмежке сонный уж
Греется меж ярких луж.
Ни жилья, ни человека,
Словно мир на склоне века:
Я один лишь уцелел,
Смерть уже переболел
И теперь на Страшный Суд
Должен шествовать к Судье,
Схороня свой дар под спуд
В страшной мировой беде.
Но Господь меня простит,
Где-нибудь уж приютит:
Ведь я ветру песни пел,
Ведь с волнами свирепел,
Ведь ужам и алым розам,

Ласточкам и умным козам
Много сказочек сложил
И с креста благословил
Всё страдавшее в природе,
Хоть то было и не в моде.
Но теперь я не спешу,
Ведь я больше не грешу.
В Божий я влюбился мир,
Где теперь навеки пир,
Где один с собою я,
В самом центре бытия.

Облачный турнир

Два облачных всадника по небу скачут,
Нагие деревья качаются, плачут,
И сам я качаясь с базара иду,
Как будто бы чуя повсюду беду.

Два облачных всадника тихо сражаются,
В лучах огневых, как тюлени, купаются.
Я сам, хоть не витязь я, к бою готов,
Оружье мое из оточенных слов.

И конь мой крылатый классической расы,
Его не пугают враги-папуасы:
Никто от звенящих Пегаса копыт
К Горынычу Змею теперь не сбежит.

Но редко враги попадают в пустыню,
Куда унесли мы давно уж святыню;
В горячих волнах золотого песка
Никто мне навстречу не мчится пока.

Пустыня повсюду теперь для поэта,
На площади, полной мертвящего света,
На митингах шумных партийных овец,
Повсюду, где я уж давно не жилец.

Два облачных всадника в вечном турнире
За чьи-то сражаются в небе паниры.
Мне не за кого уж сражаться: один
Стою я меж черных, кровавых руин.

Сирены

Хохот. Брызги. Бушеванье.
Визг протяжный. Свежесть. Блеск.
Беспричинное стенанье.
Грохот грозный, лязг и треск.
Пена гуще сбитых сливок,
Розовое в ней плечо,
Золотой в лучах загривок,
Груды дышат горячо...
Завыванье окарины,
Трель, как бисер соловья.
Голубые пелерины.
Золотая чешуя.
Полурыбы, полудевы,
Хоровод морских сирен,
Океанские напевы,
Бесконечности рефрен.
Я смелее Одиссея,
Непривязанный лежу
И, всё больше безумея,
На сирен нагих гляжу.
Что мне броситься в объятья
Синеоких дев морских?
Волны для поэта братья,
Волны оживляют стих,
Волны – отраженье Божье,

Волны – зеркало небес,
И на них во всем похож я,
Зыбкий, жаждущий чудес!

Дорожка где-то

Меж огородами дорожка.
Змеящийся меж трав ручей.
Столетняя вблизи сторожка,
Забытая меж камышей,
Шуршащих сонно над муаром
Чуть-чуть струящейся волны.
Всё небо золотым пожаром
Залито, создающим сны.
Лягушки замерли в шампанском
На трели самой голубой,
Сверчки с веселием цыганским
Стрекочут с ней наперебой.
Цветочков пышные брокаты
Разостланы по сторонам,
Как будто райские палаты
Приблизились нежданно к нам.
Былинки самые простые
Одеты в золотой наряд,
Ромашки, как мужи святые,
У ног Спасителя стоят.
Крапивка даже у забора,
И сочный, дымчатый лопух,
Как канделябры средь собора,
Как мраморный на своде пух.
Ни человека, ни животных,

Лишь бабочки, лишь паучок,
Да тучек хоровод бессчетный,
С румянцем оживленных щек.
Нет никаких уже историй,
Нет никаких уже идей.
Никто не дует на цикорий,
Исчез кровавый лицедей.
И нет вчера, и нет сегодня,
И даже завтра вовсе нет.
Тут красота одна Господня,
Тут Вечности одной поэт.

Золотой шпатель

Сегодня в белоснежной туче
Я снова заприметил Бога.
Давно знакомый лик могучий
Глядел измученно и строго.

Морщины стали шире, глубже,
Глаза сияли из пещер,
Цвет ледянистых синих губ же
Напоминал туманность шхер.

Волосья развевались дико,
Волной зыбилась борода,
И, как в Сикстине, всё велико,
Подвижно, будто бы вода.

Рукой мозолистой Создатель
За золотой схватился луч, —
И исполинский начал шпатель
Счищать творение из туч...

Смерть

Лабиринт подвижных линий.
Ключья мрачных облаков.
Силуэты черных пиний.
Бушеванье злых валов.
Кой-когда лоскут лазури.
Гребень пенистой волны.
Склянки. Ложки. Блик глазури
В кувшине из тишины.
Мотылек сестры больничной.
Золотой кружок очков.
Глаз, к страданиям привычный.
Шелест женских башмаков.
Снова пара глаз пугливых,
Вдохновлявших душу глаз,
Так несказно несчастливых...
Выпить что-то вдруг приказ.
Снова пред глазами миний.
Солнце прячется в волнах.
Скалы. Шапки черных пиний.
Мачты в белых парусах.
Вдруг открыли будто ставни,
Засверкал за ними Днестр,
Зашуршали сонно плавни,
Зазвучал квакуш оркестр.
Люлька. В люльке я, младенец,

Много милых, мертвых лиц,
Много красных полотенец,
Много райских всюду птиц...
Черный занавес из плюша
В блесках золотых упал.
Мертвое лицо из рюша
Глянуло в потухший зал.
Чей-то крик раздался снизу,
Кто-то грохнул у стола.
Луч потух, задев за ризу...
Мрак мертвящий, мрак и мгла.

Воскресение

Весна. Тепло. Холмы. Долина.
Могилы. Черные кресты.
Разрыхленная всюду глина.
Трава как бархат. В ней цветы.
Из жести на крестах таблицы.
На них безвестных имена.
Есть и мое. А в небе птицы.
Трель соловьиная слышна
На черной кисти кипариса,
Как было некогда при мне.
Но где же я? Душа-актриса
В глубоком, навсегдашнем сне.
А кости здесь, под этой глиной;
Они уже почти что пыль.
Всё стало странною былиной,
Всё седоколосный ковыль.
И всё же я еще, как атом,
Живу в деталях бытия,
Шуршу в ветвях перед закатом,
Звучу в руладах соловья,
Ползу, как сонная улитка,
По белой Ангела щеке,
Росистой паутины нитка —
Мой волос на сухом цветке.
И кто б ни плакал на могилах,

Слеза его – слеза моя,
Во всех я музыкальных силах,
Во всем я сладком бытия.

Великий Пан

Две синие бабочки, два кипариса,
Направо романского храма кулиса,
Налево зыбится пшеничное поле...
Жара нестерпимая. Нега. Раздолье.
По синему куполу ползают тучи,
Как овны на дроком усеянной круче.
Им некуда плавать. Полощется парус,
И солнечный всех расшивает их гарус.
Вакхической все одержимы услады,
В ветвях кипарисов стрекочут цикады.
Глаза раскрывает безбрежности Сфинкс,
И Пана Великого плачет сиринокс.
Нас нет уж давно, мы исчезли в квадрате
Кладбища тосканского, но о возврате
Мечтать нам никто запретить уж не в силах,
Свобода действительна только в могилах.
И вот мы две синие бабочки ныне,
Кружимся резвясь в раскаленной пустыне,
Взвиваемся легкой воздушной спиралью
Вокруг кипариса, чтоб солнечной далью,
Чтоб странной любовью своей насладиться,
Чтоб синего нектара в небе напиться.
Пока мы ходили еще по дорогам,
Стращали нас явью, стращали острогом,
И столько повсюду валялось казненных,

Что не было места для слов окрыленных.
Но нас уже нет там, коконы в земле
Раскрылись, и сущность теперь уж в крыле.
Две синие бабочки, два кипариса,
Направо романского храма кулиса,
Налево зыбится пшеничное поле...
Какая свобода! Какое раздолье!

Тень

Я тень от облака ночного
На моря ярком серебре,
Животворящее я слово
В ритмичной радости игре.

Я тень всего вокруг творенья
И даже Бога самого,
Я синтез общего горенья,
Я страждущее естество.

На белой я стене тюремной
Платанов кружевная сеть,
За тучей я скольжу надземной,
Чтоб в синеве бесцельно петь.

Всего дороже натюрморты
Безгрешные мне на земле,
Вот этих белых туч когорты,
Пушинка эта на крыле.

Детали я люблю, детали,
Подножный, незаметный мир,
Всё, в чем нет никакой печали,
Что тишина и вечный мир.

Я тень от синей тени Бога,
Я чутко дремлющий поэт,
Заглохла до меня дорога,
Я мира черный силуэт.

Жар-Птицы

За синегрудыми морями,
За черноглавыми горами,
За тридевять кровавых царств,
За тьмою смертей и коварств

Есть ледяные исполины,
Есть изумрудные долины,
Есть черный, как полночь, лес,
Простерший ветви до небес.

И в том лесу живут Жар-Птицы,
Сверкающие как криницы,
Когда над ними свой бרוкат
Расстелет пламенный закат.

Живут бескорбно и беспечно,
Века, тысячелетья, вечно,
Но обновляясь каждый век,
Как беспокойный человек.

В лесу таинственно дремучем
Горит алтарь огнем горячим,
Жар-Птица в пламени его
Свое меняет естество.

Как только потускнеют крылья
И дух поникнет от бессилья,
Она бросается в огонь,
И пламенный на дыбы конь

Подъемлется тогда над лесом
К лилейных облаков завесам,
И возрожденный Феникс вдруг
Опишет над горами круг

Пылающий, как ореолы
Иконы цареградской школы,
Затем за тридевять земель
Летит в святую колыбель.

Из чистого рождает чрева
Тогда младенца Приснодева,
И он Поэт, и он Пророк, —
Таков Жар-Птицы странный рок.

Солнечные хорей

Солнце машет палашами
Раскаленными над нами,
Как червонные гусары,
Как исподней янычары.
Разбежались облачишки,
Как пугливые детишки
В небе комаров колонны,
Да египтян эскадроны.
В небе эрос комариный,
Пожиранья ритм старинный,
В небе золотые стрелы,
Да воробушки-пострелы
С поля шмыгают на поле,
Поедая хлеб на воле.
А в тени чернильной пиний
Круг измученных Эринний,
Словно ведьмы из Макбета,
Меж цветочного шербета
Совещается о мщеньи
Озверевшим поколеньям.
Но меж лавра Пан Великий,
Козлоногий, божеликий,
На уступчатой свирели
Стонет сладко... Присмирели
Вдруг озлобленные твари,

Насосавшись киновари,
Чтоб лишь бабочки и пчелы
Украшали в полдень доли,
Чтоб ни черных, и ни белых,
И ни красных оголтелых
Не шныряло по дорогам,
Где полуденным эклогам
Место лишь да богу Пану,
Где цветы поют осанну,
Где червонные лучи,
Как небесные мечи,
Пронизают, возрождая,
Душу для земного рая,
Где в цветеньи золотом
Пишется мистерий том.

Миф

В изящной я живу спирали
На мшистой кладбища стене,
Живу без видимой печали
В полуденном лазурном сне.

Улитка я теперь лесная,
Чертящая иероглиф
Словесный, ничего не зная,
Чтоб не переводился миф.

Лебязии когда-то крылья
Сверкали за моей спиной,
И без малейшего усилия
Я в солнца погружался зной.

Но праздное меж звезд летанье
Мне запретил однажды Бог,
И кончились мои скитанья
Средь млечных хаоса дорог.

Мучительный самоанализ
Меня затем века томил,
И крылья по грязи трепались,
И стал я сам себе не мил.

Как беспокойный оборотень,
Менял я каждый день наряд,
Но не был всё же беззаботен
И между голубых наяд.

Всё ниже в лестнице созданий
Я опускался день за днем,
От непосильных мне страданий,
От игр с таинственным огнем.

И только в этой вот спирали,
В ползучем домике моем,
Слова совсем поумиралаи,
И примирился я со злом.

На мшистой я ограде рая
Пишу святой иероглиф,
Чтоб, бесполезно умирая,
Серебряный оставить миф.

Белые олеандры

Букеты белых олеандров.
Дорожки словно саламандры
От пятен солнечных вокруг.
Меж стриженных самшитов круг
Пылающих пурпурных канн.
Вверху безбрежный океан
С недвижимым страусовым пером,
Пьянящим как ямайский ром.

Блестящие листы магнолий
Таинственны, как древних схолий
В папирусах истлевший знак,
Как в тихих лотосах Карнак.
Фонтанов каплющий жемчуг
Рождает райских радуг круг.
Рыбешки красные хвостом
Раскрыли странных сказок том.

Я, черноризец Анатолий,
Меж олеандров и магнолий
Перебираю четок круг,
Чтобы не обуял испуг
Незримого течения лет,
Чтоб слишком откровенный свет,
Который я так долго пил,

Меня совсем не ослепил.

Мне не мешают Александры
Глядеть на эти олеандры,
Не циник я, не Диоген,
Хоть и боюсь теней и стен.
Меж острия коварных бритв
Живу я только для молитв,
И синие вокруг слова
Находит в муках голова.

Я, черноризец Анатолий,
Оставлю много дивных схолий
К труду Небесного Отца:
Словесные мои солнца,
Как пламя тысячи лампад,
Кромешный озаряют ад.
Не слышно голосов Кассандр,
Цветет лилейный олеандр.

Морская ода

Море, говори мне метром,
Метром говори мне старым,
Море, приобщайте с ветром,
С ветром приобщайте чарам!
Тучи, уносите в море,
В море уносите быстро,
Тучи, развевайте горе,
Горе старого артиста!
Скалы, выслушайте песни,
Песни выслушайте брата,
Скалы, эхом мне прелестным
Будьте в золоте заката!
Чайки, резвым хороводом,
Хороводом окружите!
Связью легкой с небосводом,
Легкой связью окрылите!
Агавы, пилите тело,
Тело старое пилами,
Никакого в мире дела
Не осталось с сединами.
Камни знойные мне душу,
Душу всеу отягчают.
Я покинуть должен сушу,
Где меня не понимают.
Ящик красок и палитру,

Всё мое теперь богатство,
Я храню, чтоб Божью митру
Написать без святотатства.
Божьей милостью художник
Радужных я натюрмортов,
Каждый пыльный подорожник
Мне милее верных портов.
Суть всего живописанье
Форм безжизненных природы,
Слов бессмысленных слаганье
В синие морские оды.

Клумба канн

Овальная в газоне клумба,
Конклав кроваво-красных канн,
Что были кораблем Колумба
Привезены из странных стран.
Вокруг букеты олеандра,
Постриженные под ранжир,
И я, как мрачная Кассандра,
Гляжу на непонятный мир.
Кровавые на клумбе канны
Меня, как дикого быка,
Что на арене лижет раны,
Волнуют... Смертная тоска!
Экзотики и дикой страсти
Символ – собранье красных канн,
Кровавые драконов пасти
Они из вымышленных стран.
И всё ж меж белых олеандров
Прекрасен бархатный кармин,
Как между крепостных меандров
Ряды взрывающихся мин.
Вся жизнь – подобное пыланье,
Подобный колоритный раж.
Словесное само слаганье —
Готический такой витраж.
Из трупов создаются храмы,

Пигменты красок, кисть сама,
И в золотые ставят рамы
Сошедших ради слов с ума.

Большая Медведица

Медведица моя Большая,
Как я любил тебя в степи,
Когда со скирд глядел, мечтая,
Как ты вращалась на цепи
Вокруг своей Звезды Полярной,
В провалах неба, в тишине,
На высоте такой кошмарной,
Что замираешь в глубине.
Вокруг чудовищные стоги,
Как тени молчаливых гор,
Как рать побитая, как боги,
Иль богатырь, как Святогор.
Шуршит пахучая солома,
Родной приятный аромат,
Почти как на постельке дома
Иль в церковке у Царских Врат.
Коней под стогом слышно ржанье
И тихий говор мужиков,
Лягушек дальних завыванье
И вскрики острые сверчков.
А по хрустальной гемисфере
Из черного как бы стекла,
Как мост через ночные шхеры,
Река Молочная текла,
И бриллиантовые звезды,

Как тихие стада овец,
Как виноградные грозди,
Блистали, собираясь в венец.
Медведица моя Большая
Всех ярче, всех прекрасней там,
И я, как у преддверья рая,
Тянул к ней ручки по часам.
Я не искал ее орбиты,
Не исчислял, как астроном:
Меня влекли одни Хариты,
Я маленький, влюбленный гном.

Год за годом

Год за годом, словно капли
С клюва безразличной цапли,
Однозвучно каплют в вечность.
Всюду та же неба млечность

И мерцающие звезды,
Всюду мрачные погосты
Звезд в пространстве, муравьев...
Всюду на могилах Иов

Со скребком многострадальный,
Всюду натюрморт печальный,
Всюду с клюва сонной цапли
На болоте каплют капли.

Каплют годы, поколенья,
Как немые сновиденья,
В киммерийский мрак уходят,
Но забвенья не находят.

Всюду те же блещут звезды,
Всюду вечности погосты,
Те же на болоте цапли,
Те же каплющие капли,

Та же рухнувшая сцена,
Тех же настроений смена,
И актер всегда один,
Дон-Кихот и паладин.

Год за годом, век за веком,
Человек за человеком,
Словно крови красной капли
С клюва каплют сонной цапли...

Розы и фавн

Твои уста – как яблоко гранатное,
Твоя душа – как облако закатное,
И вся ты – розовый как будто куст,
Взобравшийся на храма мшистый руст.

И я люблю тебя, как фавн аттический,
Вступая в круг мечты опять магический,
И не страшит меня полярный Сфинкс,
Когда к губам я приложу сиринкс.

Твои глаза, как Звездная Медведица,
Горят в ночи, и всякая нелепица
Осторожная проходит без следа,
И жизнь с тобой совсем уж не беда.

Штурвал рука твоя схватила белая,
И я могу, уж ничего не деляя,
Беседовать с незримым божеством
О неестественном, о неживом.

Взвивайся же с руста на руст дорический,
Как в век давно исчезнувший, классический,
Меж трех еще не рухнувших колонн,
Всё выше, выше, в самый небосклон.

А я вокруг тебя, мохнатый, голенький,
Плясать пушусь, как будто бы для Толеньки
Зевес создал весь этот странный мир
И жизнь – один лишь беспрестанный пир.

Потом взберусь, засеменя копытцами,
Через шипы твои, промежду птицами,
На чудом уцелевший архитрав,
Куда столетий не проник бурав.

И плетью ты меня своей вершинного
Обнимешь с нежностью голубиною
До маленьких спиралевых рожков,
И буду я счастлив меж лепестков.

И всё божественней мои мелодии,
Воскресли будто сызнова Мефодии,
И с удивлением полярный Сфинкс
Глядит на фавна, розы и сиринкс.

Сумерки

Душа мрачна. Мрачны над крышей тучи,
Как рыцари в завороненных латах...
И всё же мне перед грозой лучше,

Чем в пламенном рубиновом закате:
Я создан для космической трагедии
И я люблю истории шахматы.

Герои мне из окисленной меди,
Восставшие с полей пустынной Трои,
Нередко снятся в полуночном бреде...

Душа мрачна. Как белый альбатрос,
Летаю я над ледовитым морем,
И в крылья пьяный мне палит матрос,

Но, смерть давно уж не считая горем,
Гляжу я на палящего в меня,
Как облик белый, просветленным взором,

И расплываюсь в ореоле дня...
И нет меня уже давным-давно,
Хоть и расту я из гнилого пня

Над пропастью, где сыро и темно.

Звездная гармония

За облаками, на вершине голой
Первосозданной, сумрачной горы,
Покрытой горностаевою столой,
Лежал я для фантазии игры.

И надо мной гирляндю веселой
Кружились неисчетные миры,
И Млечный Путь с атолла на атоллы
Вился, как драгоценные чадры.

И Хаоса мне чувствовалась близость,
Несчастливого в рассеяньи Отца,
И всякая в душе исчезла низость,

Как будто бы и мне уж нет конца
И золотая у меня подвижность
В мозгу всего планетного венца.

Язык Хаоса

Звезды как шитье на мантии Божьей,
Звезды как фигурный арабеск,
Звезды на гирлянды роз похожи
Меж колонн. Благоуханье. Блеск.

Море всё как аспидовы кожи,
Море – чешуя алмазных фреск,
Море – крестный ход. В руках прохожих
Свечи золотые. Всё гротеск.

Черный парус я ночной тартаны,
Что заснула меж горящих свеч,
Волны что-то шепчут, как гитаны...

Отвечаю им подергиваньем плеч.
Меж ублюдков Божиих я самый странный,
Но лишь мне дана в Хаосе речь.

Пузырьки

Я наблюдал, как на морском берилле
Всплывали радужные пузырьки
И как они торжественно катили,
Сплетаясь в арабески, на пески.

Какая радость в этой хрупкой силе,
Как синие несут их языки!
Но вот уж в золотой они могиле,
Вот радужные тухнут огоньки!

Зачем они родились от ундины
Растрепанных, алмазовых волос?
Зачем, взнесясь, горели на вершине?

Да низачем – как ты, седой матрос,
Куда-то мчащийся на бригантине
И безответный ставящий вопрос!

Мост к Вечности

За облаками синегрудыми
Вершина есть горы угрюмая,
Старинный замок есть разрушенный
С одною башней уцелевшею.
И в башне той есть зал, расписанный
Учеников рукою Джоттовых,
И в зале том живем мы мысленно
Меж рукописных книг с рисунками,
Следя за танцем звезд полуночи,
За облачными арабесками,
Покрывшими горы подножие.
Нет ни одной тропы на темени,
Нет даже мха уже засохшего,
И мы питаемся лишь мифами,
Пьем из бокалов росы зорные.
Однажды жили здесь отшельники
Иль Парсифаля братья крестная,
Теперь лишь мы живем здесь мысленно,
Следя за звездною гармонией,
Следя за иероглифом облачным,
И ничего уж в Граде Лилии
Не нужно нам среди мятущихся.
Мы лишь с собой на башне сказочной,
Как перст застывшей в небе радужном,
Как мост, теперь еще невидимый,

Простерший своды к синей Вечности,
К Отцу страдающему, Хаосу.

Странник

Посуху с посохом,
По морю с поплывом,
В вечном движении
Жалкие атомы,
В вечном кружении
Облачки белые.
В каждом мгновении
Есть откровение,
Только меж стенами
Смерть неминуема,
Только меж мыслями,
Цепи подобными,
Узаконенными,
Дух возмущается,
Сумочку с посохом
Ищет под лавкою,
Белые лапотки,
Чтоб убежать опять
В пустошь бесплодную,
В келейку горную.
Лес ведь по посоху
Плакать не вздумает,
Блудное детище
Не приметит он!
Нет уж пророков ведь

Веры спасительной!
Только в движении,
Только в сомнении
Цель прозябания,
Только в усмешечке,
Горькой иль радостной,
В вечном движении,
В вечном всебожии,
В вечном безвластии!
Посуху с посохом,
По морю с поплывом
В белом кораблике,
По небу облачком
В белой рубашечке,
Яркою звездочкой
В митре Создателя.

1947

Пробуждение

Ноги белые,
Ноги старые
Из-под простыни
Опускаются
И на коврике
С белым мамонтом,
В тучах лубочных
С храмом сказочным,
Почву щупают,
Не удастся ли
Вертикально им
В небо вырасти,
Не удастся ли
Снова в диспуте
С Богом выступить.
Вот коснулись
Пальцы коврика,
Вот оперлися,
И поднялося
Тело тощее.
Ноги жалкие
Дон-Кихотовы,
Чуть дрожащие
И неверные,
Вот шагнули уж

По кирпичикам
Холоднешеньким
До окошечка.
Пальцы белые,
Тонким-тонкие,
Протянулись,
И окошечко
Распахнулося.
Вешним воздухом
Вдруг повеяло,
С ароматами
Роз пурпуровых,
Белых гроздочек
На акациях.
Кудри снежные,
Волнам сродные,
Растеребились,
Очи смутные
Засветились,
Богу вызов шлют,
Богу синему.
– Отзовись, Отец,
Хаос творческий,
Пожалей меня,
Сына Блудного,
Что давно уже
В дом отцовский свой,
Плача, просится.
Вышли слуг своих

За ягнечком,
За бочоночком
Вина красного
Да за истиной
Первозданною,
Скрытой в Вечности!
Полно атомом
Быть мне гаснущим,
Инфузорией
Моря мертвого,
Сквозь прогнившего,
Полно ноги мне
Эти белые
Волочить в грязи
Без желания!

Отражения

Всё прекрасно в отраженьи,
В моря голубом зыбленьи,
Как тяжелая паранца
С красным парусом для танца,
Как пурпурный этот бакан,
Что со всех сторон закакан
Чайками гнилого порта,
Что сожрали б даже черта.
Как они легки и зыбки,
Как они свежо стеклянны,
Как исчезли все изьяны,
Тяжесть всякая земная,
Словно это формы рая.
Посмотри, я сам за бортом
Становлюся натюрмортом:
Лик мой оживился старый,
В мертвых глазках моря чары,
Щеки, лоб – всё майолика.
Как вокруг Христова лика,
Золотистое сиянье!
Фон, усыпанный алмазом,
Моря синего экстазом,
Бирюзой и изумрудом,
Сказочным глубинным чудом...
Все порвались будто цепи...

Крабы черные и сепий
Жадных зонтичные ноги
Стали словно моря боги,
Стали странным арабеском,
Недр преображенным блеском.
Сам я, старый, скучный, злой —
Новоявленный святой.
Всё прекрасно в отраженьи,
В моря синего зыбленьи.
Наслаждайтесь же собой,
Небылицей голубой!

На выставке

Крылья из пламени,
Лики из мрамора,
Кудри из золота,
Очи из ясписа,
Губы рубинные.
Много их, много их,
Будто бы ласточек,
Фоном чарующим
За Божьей Матерью.
Тело незримое,
Крылья да головы,
Личики детские,
Глазки горящие,
Будто беседуют
С Крошкой Божественной.
Чья это живопись?
Монако ль детского,
Иль Лоренцетьева?
Всё равно, всё равно!
Важно, что хочется
Стать на колени мне,
Как на кроваточке
С бабушкой снежною.
Хочется в что-либо
Верить пречистое,

Хочется святости,
Хочется свежести
И беспорочности,
Хочется веровать
В детскую сказочку,
Хочется слезками
Душу бессмертную
Вымыть, как платице,
Чтоб перед смертью
Стать новорожденной
Крошкой невинною:
Крылья из пламени,
Лики из мрамора,
Кудри из золота,
Очи из ясписа,
Губы рубинные,
Как херувимчики
Эти на образе
Древнем на выставке!

На паперти

На паперти готического храма,
На первозданной сумрачной скале,
Вокруг классическая панорама,
Зыбящаяся в голубом стекле.
Тирренское синее лукоморье,
Гостеприимный Специи залив,
Зубчатое Каррары плоскогорье,
Мечи агав и кружево олив.
На глади синей красные паранцы
И чаек белых звонкие четы,
Ундин морских ритмические танцы
И Афродиты пенистой черты.
На стенах храма золотой румянец,
Но мы сидим в живительной тени,
На паперти лениво францисканец
Читает требник – и проходят дни.
Проходят дни, как пенистые волны,
Проходят поколения, как сны,
И вечности все эти формы полны,
И молимся мы Богу искони.
Рука в руке сидим мы на ступенях
И, синие, на синеву глядим,
И дни проходят в синих сновиденьях,
И всё вокруг сияние и дым.
И всё вокруг лишь Божия частица,

Как крошка каждая святых просфор,
Волна, и облако, и краб, и птица,
И наш задумчиво молящий взор!
Нет ничего теперь помимо Бога,
И синий Он и солнечный наш друг,
И каждая к Нему ведет дорога,
И славословит всё Его вокруг!
Не постыдимся ж преклонить колени
Перед потухшим в храме алтарем:
Мы также тень Его лишь синей тени,
Мы вечности дыханием живем.

Храм в джунгле

Под окном моей темницы
Слышно цоканье копыт,
Слышно щебетанье птицы:
Дорог мне звериный быт.
На коне в родные степи
Я хотел бы ускакать,
Оборвав ножные цепи,
Словно ждет меня там мать.
Через Кавказ на Гималаи
Я хотел бы улететь,
Как гостей пернатых стаи,
Не запутавшихся в сеть.
Там посереде поляны
Древний есть буддийский храм,
Цепкие его лианы
Обнимают по бокам.
Бронзовый в том храме Будда
Созерцает свой пупок.
В черепе его есть чудо:
Терниев сухих венок,
А в венке сухом из пуха
Крохотное есть гнездо, —
Я в него влетел без звука,
Верхнее пустивши до.
Что за чепуха такая?

А меж тем из чепухи
Создаются ведь, не зная,
Духа чистые стихи.
В черепе разбитом Будды
Меж лиановых плетей
Баловень лежит причуды,
Отдыхая от страстей.
Будда – мой отец духовный,
Мой предтеча на земле,
И к нему я в час удобный
Улетаю на крыле.
Нет коня быстрее Пегаса,
Пламеннее нет копыт,
С ним, как под охраной Спаса,
Исчезает нудный быт.

Лавра

С душой античного кентавра
Скакал я в детстве по Днепру,
И Киевская часто Лавра
Приют давала дикарю,

Бежавшему на блеск соборов,
На звон святых колоколов, —
И укрощался гордый норов
От предков величавых слов.

За скромной трапезой монахов,
Среди уродов и калик,
Среди юродивых без страха,
В веригах, усмирялся крик

Души в груди моей мятежной.
И вдруг смиренен, как дитя,
Я становился, тих и нежен,
Как цветик, выросший шутя,

И, с всякой примирясь напастью,
Клонился головой к серпу,
Не веруя земному счастью,
Ища к небытию тропу.

Сегодня я узнал, что Лавры
Печерской нашей больше нет,
Что лютые ихтиозавры
Ее разрушили чуть свет.

Пустое, у меня сияет
Она в горячечном мозгу,
Меня в бессмертии встречает
На рая близком берегу,

Куда и я, как все кентавры,
Чрез степь родимую домчусь, —
Там купола я вижу Лавры
И всю юродивую Русь!

Снежное видение

Сегодня в полдень над Флоренцией,
Моей всегдашней резиденцией,
Шло беспощадное сражение
Меж войском преисподней гения,
Цинического, злого Антия,
И Ангелами белоснежными.
И Божия сокрылась мантия
За ордами земли мятежными,
И, словно пух лебяжий, хлопьями
Из крыльев, пораженных копьями,
Летели тепленькие перышки,
Летели густо, словно в морюшке
Над жемчугом соленым чаечки,
Как лепестков вишневых стаечки.
И ветви за окном платанные
Оделись в горностаи странные,
И крыши все стоят лилейные,
Как будто там живут идейные
Отшельники, друзья келейные,
А не букашки муравьиные,
Не облики людей звериные.
Всё тихо, тихо, как на кладбище,
Следы одни автомобильные
Видны на пороше зубчатые,
И смотришь, смотришь в звезды снежные,

Как будто это души нежные,
Из гроба темного восставшие,
Загадки бытия познавшие.
И разговор идет загадочный
Меж мной и ласковыми звездами,
И голову подъемлешь старую
В потоки мотыльков вихрящихся...
Нет ничего такого чистого,
Нет ничего такого нежного,
Но жаль мне Ангелов, лишившихся
Наряда райского, перяного.
И ненавижу страстно Антия,
И Божьей я желаю мантии,
И красного на небе солнышка,
И звезд, что там, за серым пологом.
И сам я будто в смертном саване,
Как Лазарь, жажду воскресения,
И слышу я уж приближение
Желанное Христа Спасителя,
И бегство вижу Искусителя, —
И горсти гробовых червей
Из груди сыпятся моей!

Зимний офорт

Горностай на черных кружевах.
Пух лебяжий на нагих ветвях.
Белый, свадебный на всем атлас,
Всё волшебный мир для наших глаз.
Белые дома еще белей,
Крыши – мантии для королей.
Трубы – горностаевы хвосты,
Мраморными стали все мосты.
Бархат покрывает белый всё,
По снегу следы – святое житие.
Тишина такая, словно нет
И тебя уж самого, поэт.
Ничего нет больше, ничего,
Даже небо самое мертво.
Тучи серы, как литой свинец.
Ни один не пролетит скворец.
Не мяукает на крыше кот,
Времени уже потерян счет.
Красок нет давно уж ни на чем,
Бело всё, черно, как в бурелом.
Не слышать валдайских бубенцов,
Не видать на дровнях мужиков.
На чужбине грустно в тишину,
И клонит, клонит тебя ко сну.
Этаким я мыслю мир без нас,

Белый свадебный везде атлас.
Тихий это Божий натюрморт,
Белый в черных кружевах офорт.

Сикстинский Бог

Сегодня ночью Бог Сикстинский
Мою келейку посетил,
Могучий, белый, исполинский,
До самых комнатных стропил.

Я знаю, что Он бестелесен,
Что Дух Он чистый, Сила, Свет,
Что Он незрим и повсеместен,
Но я художник и поэт.

Я вижу, как Буонарроти
Невидимое видит глазом,
Живописуя на кивоте
Создателя миров в экстазе.

И Он явился этой ночью
В моей келейке на стене,
И я вернулся к средоточью
Всего создания во сне

И спросил: – Отец Небесный,
Должно ли мне еще страдать
Под хризалидою телесной,
Что я готов Тебе отдать? —

И Он ответил с тихой грустью:
– Зачем спешить, мой милый сын,
К неотвратимому уж устью,
Зачем глядеть в загробный скрын?

Нет, созерцай спокойно звезды,
Цветы и волны, облака,
Шипы на розах, пташек гнезда,
На стебле медного жука.

В мои успеешь влиться вены,
Где Хаос мировой течет,
Где всё уже без перемены,
Где всякий бесполезен счет! —

Как бы по мановенью жезла,
От солнца первого луча
Виденье на стене исчезло,
Как в небе алом саранча.

Остались только цвели пятна,
Остались копоты следы,
Всё то, что глазу неприятно,
Как в живописи без узды,

Без вдохновенья и охоты,
Как в мусоре глухой пещеры,
Где нищие живут илоты
Без божества сикстинской веры.

Космический туман

В мозгу моем колышется камыш
Под сводом голубых небесных крыш.
В мозгу моем летает рой стрижей,
И много там сверкающих ножей,
Что пронизают мой усталый мозг,
Как жгучие пучки ивовых розг.
И что за жуткий там болотный блеск,
Что за серебряный ершиный плеск!
Всё как во дни создания миров,
Вращенье пламенных во тьме шаров.
Сплетенье новорожденных орбит,
Труба архангелов в ночи трубит.
И хороводы ангелов других
Создателю поют хвалебный стих.
Всё в этом странном, крохотном мозгу,
Под сводами в магическом кругу.
Потом опять космический туман,
Зыбящийся, незримый океан.
Закон, повелевающий мозгом, —
Закон вращения миров кругом.

Суе́тное же́лание

Как я хотел бы быть ребенком
Опять, что открывает мир,
Скользить ручонкой по пеленкам
И в голубой глядеть потир;
Чтобы над люлькой мать склонялась
Иль бабка в кружевном чепце,
Чтобы акация качалась
Совсем как будто на крыльце.
Цветы и тучи были б тайной,
Непостижимой как теперь,
Но сказочно необычайной,
Не то что запертая дверь.
Всё было б впереди, как море,
Когда спускаешь первый челн,
И сладким было б даже горе,
Которым каждый миг наш полн.
И грезилась бы снова греза,
Как лики грустные Мадонн.
И расцвела б на сердце роза,
И я взошел бы с ней на трон.
И было б первое объятье,
И первый робкий поцелуй,
И слов безгрешное зачатъе,
Словесных много аллилуй!
Всё позади теперь, о Боже,

Одна лишь жажда та же жить,
И смертное Ты стелешь ложе
И жизни обрываешь нить!

Дали и тали

В природе всё торжественно и строго,
В ней нет совсем добра и зла,
В ней только свет, движенье, мгла
И чуть заметное дыханье Бога.

Жизнь хороша, но только без деталей,
Без микроскопа под рукой,
Когда вокруг царит покой
И ветер поет меж корабельных талей.

Внизу, в соленых изумрудах моря,
Прожорливые рты миног,
Акулы, спруты, сталь острог
И рыбы тихое без звуков горе.

Вокруг, как сад плодовый, крылья чаек
И стрелы синие стрижей,
А в трюмах мрачных лязг цепей
И свист уравнивающих нагаек.

Но даль вокруг загадочно туманна,
Белее снега облака,
И так проходят чередой века,
И солнечное жарко осиянна.

Мир создан так, и ты среди рогатин
Не подымайся на дыбы,
Не укрывайся от судьбы,
Живи свой миг, он жутко безвозвратен.

Черный образ

Над моей постелькой не было Мадонны,
Там висел Христос лишь в терниев короне,
Там висел квадратный доктор Мартин Лютер
В рамочке, отделанной под перламутер.
Но еще мальчонком по дороге в школу
Заходил в собор я к главному престолу:
Касперовская там Матерь Божья,
Черная, на эфиопский лик похожа,
Привлекала детское воображенье,
И слагались тихо ручки для моления.
И молился за счастливый я экзамен,
За выздоровленье мамочки, – и камень,
Черный камень в сердце, вниз бултыхал,
Хоть из-за плеча какой-то бес хихикал.
Я потом не раз в Мадонн святых влюблялся,
Как по белу свету без толку скитался.
Но не падал я в слезах уж на колени,
От безверия тупого иль от лени.
Лишь на образ матери моей покойной
Я еще молился, часто недостойный,
Лишь пред девушкой моей склонял любимой
Я колени, утомленный долгой схимой.
Но теперь пред всякой Приснодевой черной,
Черной, черной, в ризе золотой, покорный,
Я опять склонился бы, как в чистом детстве:

Слишком часто жил я с бесами в соседстве,
И Спаситель нужен мне опять Младенец,
Со свитком в руке, меж пестрых полотенец.

Солнечные фонтаны

Раскаленные брызжут фонтаны
В бесконечности всей океаны.
Солнце – фейерверк странный и жуткий,
Солнце – творчества Божьего шутки.
Но при чем муравейник злосчастный
В этой студии Божьей прекрасной?
Здесь от этих фонтанов небесных,
В галереях угрюмых и тесных,
То зубами, как волки, стучат,
То, как жабы, ныряют в ушат,
То на полюс бегут, то в Сахару,
Словно Божью предчувствуя кару
За кровавые чьи-то грехи
У всё новой трагичной вехи.
Может быть, даже страшные войны,
Что венец мирозданья достойный,
Отражение этих фонтанов,
Бьющих в мрак мировых океанов.
Может быть, это всё лихорадка,
И Создателю так же всё гадко,
Как и мне, на земле муравью,
Что с отчаяньем смертным пою.

Солнечный скрын

Шумный рынок подле Сан Лоренцо.
Как трофеи, в два ряда лотки.
Шелковые ткани, полотенца,
Кружева, перчатки, гребешки...
Солнце словно голова Медузы,
Змей червонных жаркие пучки
Облаков прорвали настезь шляузы...
Льется, льется пламенный поток,
Золотя нелепых форм союзы.
Каждый жалкий рыночный лоток
Превращается в Шехерезады
Сказочный восточный уголок.
Красочные сыпятся каскады,
На душе несказанно тепло,
Словно там затеплились лампы.
Даже пролетарское стекло
Блещет как трансвальские алмазы,
Спряталось по переулкам зло.
Пошлые житейские проказы
Покрывает мантия царей,
И кухонные горшки – как вазы,
И бродяга каждый – иерей,
И торговки – римские матроны,
Ангелы на куполах церквей.
На янтарные гляжу я гроны

Очарованный, как Аладин
На сокровища в воров притоне.
Солнечный открылся всюду скрын,
В сердце блещут вечные лампы,
Я опять любимый Божий Сын,
Для словесной созданный услады.

Boboli

Зеленый глаз среди ресниц из лавра
Таинственен, как око Минотавра,
А посреди цветущий островок,
Лимонами обставленный в вазонах,
Фонтан с Нептуном против небосклона,
В зеленом зеркале, как поплавок.
В воде недвижимой отраженья статуй,
Колонн, харит, наяд, коней крылатых,
Резвящихся под лаврами детей.
В воде рыбешек золотые стайки,
Подводные подвижные лужайки,
Не видевшие никогда сетей.
А в небе шелковистые барашки
И славящие Гелиоса пташки.
Всё – будто возвращенный людям рай.
Эремитаж последних Медичисов,
Обитель для испуганных Нарциссов,
Мечты еще неопалимый край!
Дряхлеют вековые кипарисы,
Безруки статуй мшистые абрисы,
Ручных нигде не видно лебедей.
Не дамы в бархате, не кавалеры
Мальтийские гуляют чрез шпалеры,
А тени обездоленных людей.
Но мы, на парапет склонясь бассейна,

Глядим на то, что в мире тиховойно,
На очертанья зыбкие вещей.
Мы сами там в преображенном виде,
Как призраки блаженные в Аиде,
И не преследует уж нас Кощей.
Мы молоды там, как в начале самом,
По голубым скользим подводным храмам,
И купол неба величав и горд,
И жизнь сама в вечернем отраженьи —
Торжественное лишь стихотворенье,
Закатный бесконечности аккорд.

Растечение

Всё чаще я совсем не я,
А лучик солнечного мира,
Неясный трепет бытия,
Волшебная Эола лира.

За круглым я сажу столом,
Глядя на отраженье
Свое за зеркальным стеклом,
Как на враждебное виденье.

Кто этот за столом старик,
Слагающий стихотворенья?
Зачем на нем седой парик
И на лице недоуменье?

Что за морщины вверх и вниз,
Как в лабиринте у Миноса?
Нет ни сиянья Божьих риз,
Ни тайн загадочных Хаоса.

А между тем он близок мне,
Как нежелательный попутчик:
Со мной, как червь, он полз на дне,
Со мной сверкал, как звездный лучик.

Всё чаще я совсем не я,
А шелковая паутинка,
А скорбный символ бытия,
А в книжке пестрая картинка.

Я, как платаны над ручьем,
Зыблюсь на легкокрылом ветре,
Я – храм, разрушенный огнем,
Развенчанной людьми Деметры.

Я тучка в жаркой синеве,
Что растекается на солнце,
Росинка я на мураве
Зеленой под моим оконцем.

Когда же погляжу в ручей,
Как око искрящийся Божье,
Я вижу странный там камей,
На Зевса Фидия похожий!

Сумбур

Черный шмель на красном диске,
Иероглиф на обелиске,
Тень на голубом атласе,
Это Музы на Парнасе.
Прикажи, начнется танец,
На щеках моих румянец,
Из мозга журчит ручей,
Много солнечных свечей!
Черный шмель с отливом синим
Необузданней Эринний,
То жужжит, то нектар пьет,
То в мозгу моем скребет.
Иероглифы – день ушедший,
Каменные мертвых речи.
Незачем читать их мне
В мавзолейной тишине:
Ведь я синяя загадка,
А загадочное сладко.
Острый погружен ланцет
В мой болотный бледный цвет.
Муз не девять – мириады:
Всё, что млеет от услады,
Каждый аленький цветок,
Каждый пестрый мотылек,
Каждый шмель с стальным отливом,

В опьянении счастливом,
Белоданный то Пегас,
Уносящий к Богу нас!

Мертвые

Я тлел в гробу. Два с лишним метра
Лежало надо мной земли,
Но слышал я порывы ветра
И облачные корабли,
Когда кладбищенских акаций
Они касались килем,
И хоровод кружился граций
Над кладбищем, где мы живем.
Нам смерти не опасно жало:
Она не властна над душой,
Она напрасно колос сжала
И спрятала в земле сырой.
Трава и цветики то знают,
Что над могилками растут,
Они нас сетью пеленают,
Они кокон наш берегут.
Одни лишь кипарисы корни
Вонзают в сердце, чтоб вести
Наш дух в чертог лазурный горний,
Куда забыли мы пути.
Всё на земле метаморфоза:
Сегодня гордый человек,
А завтра пламенная роза,
А послезавтра свежий снег.
Но вечно чувство вертикали,

Стремленье в голубую высь,
В серебряные Божьи дали
Через угрюмый кипарис!

Во дни творения

Когда Господь творил в пространстве звезды
И оживлял потухшие погосты,
Из пальцев у Него струились искры
И в глину мокрую впивались быстро,
Иные превращаясь в змей зеленых,
Другие – в ящеричек изумленных
У ног Создателя меж острых скал, —
И Он их оком отческим ласкал.
И, помнится, одной из стрел зеленых
Я сам глядел из глазок изумленных
На новосозданный волшебный мир
И ликовал, как призванный на пир.
Потом я множество метаморфоз
Перетерпел – и много пролил слез.
Но дни творенья в памяти моей,
Хоть много роковых промчалось дней,
И, созерцая ящериц в траве,
Иеговы вижу образ в голове
Моей и взгляд Его печальных глаз,
Когда на мой дивился он экстаз.

Райский спутник

С тобой я плыл, как лебедь, против волн,
Очарованья жизненного полн.
С тобой, затравленный, бездомный зверь,
Нашел раскрытую к спасенью дверь.
Гонимый Немезидами Орест
Честной обнял над черной бездной крест.
Ты Ангел, мне ниспосланный Хранитель,
Хоть и забыла, что ты небожитель.
И из души моей, как водопад,
Стихи свергаются в исподний ад.
Душа, моя теперь Эола арфа,
И ради твоего пошел я шарфа
Сражаться на мистическом турнире,
Пошел бряцать на семиструнной лире,
Чтоб Божий мир еще раз воплотить,
Чтоб, как Пречистую, тебя любить.
И небо стало для меня синее,
И звезды ярче, и слова живее,
И каждую я полюбил былинку,
И каждую в очах твоих слезинку.
Как чайки белые, всю жизнь с тобой
Парили мы над пенистой волной.
И ты в небесный Иерусалим
Введешь меня, как чистый серафим,
И там на изумрудовой лужайке

Плясать мы будем меж блаженных стайки,
И цветики сиять там будут ярко,
Как у Беато милого в Сан Марко.

Степной пейзаж

Сверху облачный брокат.
Снизу черный, мокрый плат.
Пахнет сыростью могилы,
Пахнет молоком кобылы.
На распаханном обмежке
Пахнет шапкой сыроежки.
Нет охоты плестись с плугом
За конем печальным цугом.
Веры нет ни в плуг, ни в семя,
Язвы лечит только время:
Погребет под черной глыбой
Всё измученное дыбой.
Сам я – старый автомат
Меж шагающих шахмат.
Но мне дороги фигуры,
Как бы ни были понуры
Все они от страшных бед,
Как бы ни был сам я сед.
Я люблю твой мир, о Боже,
Как бы ни было похоже
Всё в нем на крошечный ад.
Может быть, и райский сад —
Лишь иллюзия поэта,
В сущности ж пустыня эта
Так пустынна с первых дней.

Поле. Лес горящих пней.
Стадо тощее овец.
Звезды. Кладбище. Конец.

Песчаный пейзаж

Ветер воет. Шелюг гнется.
Золотой песок несется,
Засекая наши лозы,
Словно градовые грозы.
Морем стали кучегуры.
Тигровые всюду шкуры.
На мохнатом я киргизе
Через золотые ризы,
Завернувшись в плащ, плетусь,
Адским божествам молюсь.
Вдруг в развеянной лощине,
Как на Гольбейна картине,
Сгнившие совсем гроба:
Кости, ребра, черепа,
Как гигантские орехи,
Круглые глаза-прорехи,
Сатанинский вечный смех,
Что ни челюсть – смертный грех.
Подле медные кресты
Да Фелицы пятаки.
Всё Микулы-селянины,
Бурлаки или Каины,
Всё оратаи да воры,
Населявшие просторы
Эти двести лет назад,

До того, как ветер в ад
Превратил простор песчаный,
В край забытый, окаянный.
Всё, как крот, он перерыл...
Я плетусь среди могил.
Из гробов подъяли гады
Головы, как будто рады
Видеть мой усталый бег.
Но не вещей я Олег,
Жалить нет меня охоты.
Конь храпит, но без заботы
Золотой месит песок,
И на нем застыл седок.
Он меж этих черепов
Собственный свой ищет череп,
Словно он во тьме веков
Был растерзан лютым зверем
И зарыт здесь в ковыле,
В дикой девственной земле.
Прошлый день и настоящий,
Ничего не говорящий,
Это для него одно —
Только преисподней дно.

Морской пейзаж

Бушевал угрюмый Понт.
В дымке вечной горизонт.
Колыхалась степь без меры,
Породившая Химеры.
В море паруса и чайки,
Над полями тучек стайки,
Море золотой пшеницы,
Жаворонки и Жар-Птицы.
На макушке мы кургана
Меж пахучего бурьяна
Смотрим на морские рифы,
Как сторожевые скифы.
Мы из неба синей чаши,
Мы из моря малахита,
Где забвение сокрыто,
Пьем безбрежности нектар.
Мир еще исполнен чар
В черноморской был пустыне.
И Отец о Блудном Сыне
Не забыл еще своим:
Он ему прислал подругу,
Чтоб украсить жизни фугу,
Милую, как летний день,
Верную, как ночи тень,
Мудрую, как райский Змий,

Гордую, как ритм стихий,
Нежную, как лепестки
Роз осенних у реки.
И она явилась в степи
Снять у Прометея цепи,
Коршуна согнать с души.
Посмотри, как хороши
Линии ее лица!
Эллинского нет резца,
Что стильнее бы камней
Врезал в розовый агат.
Здесь в кургане лишь лежат
Ей подобные дидрахмы,
Но тревожить царский прах мы
Станем ли, раз наяву
Я с камеею живу,
Раз и я могу порой,
Словно степь в объятья неба,
Жить в лучах священных Феба.
Всё приемлет скорбный гений
Мой во имя сновидений,
Братьев Ангелов и бесов.
Освятила ты Одессы
Безоглядные поля,
Белый призрак корабля
Провела чрез яви ад
В край лазурных Симплегад!

Мелодия из Хаоса

Когда я думаю о звездах,
Незримые из глаз лучи,
Как вороненые мечи,
Чего-то ищут в мировых погостах
И связывают жалкий атом
Серебряною паутиной
С Создателя закатом
И с изумрудной тиной
Глубоких недр морских.
И беспокойный стих
Мой за великую считает честь
Тогда знакомство с Богом,
Чье мерное дыханье
Я чувствую в себе убогом.
И всё, всё мирозданье
Тогда во мне,
И в вещем сне
Тогда бушую
Я аллилуйю,
И Млечные Пути
По красному пути
Текут моих холодных вен,
И я не чувствую уж стен,
И я не чувствую корней:
Я – с кистью черной

Средь облачных теней
В пустыне горной
Угрюмый кипарис,
Я – снеговой нарцисс,
Глядящий в синий пруд.
И я совсем, совсем беспечно
Живу и слушаю леса
Шумящих черных хвой,
И в небеса
Гляжу, как черный обелиск,
И солнечный лучами диск
Меня живит.
И голоса,
Как звездный эремит,
Я слышу звонких сфер
И облачных химер.
И, как через кристалл галены,
Проходят чрез меня из пены
Рожденные мелодии,
И голоса я слышу отошедших,
Потусторонние, таинственные речи.
То грохот глетчера,
То волны полюса ледяного,
То волны тропика стеклянного,
И в пене я,
И в брызгах я,
И чайки крыльями
Меня касаются,
И тучи сегидильями

Меня стараются
Развеселить...
Порвалась нить
С реальностью,
И я своей зеркальностью
Весь отражаю Хаос,
Не пряча головы, как страус.
Я зыбкая трава,
Я атом божества.
Я цветик синенький во сне,
Я паутина на окне
Забытого за облаками храма,
Я золотая рама,
В которую природу-мать
Ты можешь навсегда вписать,
Седьмую лишь сорви печать...

Смерть солнца

Мне снился ужас: солнце умирало!
Весь день оно кровавое шаталось
И по краям, как уголь, угасало,
И серым пеплом море покрывалось.

И сумрачная тишина настала,
И в норы тварь земная поскрывалась,
А люди завернулись в покрывала,
Как в саваны, когда оно скончалось.

И мы с тобой, обнявшись, на колени
С молитвой опустили и застыли.
И всё вокруг исчезло: свет и тени.

Нет более ни парусов, ни крылий,
И даже звезд алмазных поколений
Никто не видит отраженной пыли!

Морская симфония

Пахнет солью, пахнет йодом,
Пахнет воровским народом,
Крабом черным и муреной,
Пахнет жемчужною пеной,
Пахнет смоляным канатом,
Пахнет пламенным закатом
И серебряным восходом,
Пахнет засмоленным ботом.
Пахнет полною свободой,
Пахнет храмом и пагодой,
Пахнет крыльями и Богом,
Пахнет Пиндаровым слогом,
Пахнет скалами и тиной,
Пахнет райскою картиной,
Пахнет мною, чайкой белой
Над волною поседелой.
Вот я рею над волнами,
Над лазоревыми снами
С пенистыми кружевами, —
С зыбким Божьим иероглифом,
Ниспадающим по рифам, —
Что бушующий пеан
Нам поют про океан.
И подружка безразлично
Реет рядом, мерно, звучно,

И очей ее магнит
К Вечности святой манит.
На гнезде в холодной щели
Мы недолго лишь сидели,
Звезд холодное мерцанье
Вызывало в нас желанье
Только новых пируэтов.
Нет отчизны у поэтов,
Каждый сам себе хозяин,
Каждый созидатель таин.
Волны – синяя обитель,
Море – голубой Спаситель!
Нас на землю не заманишь:
Всё на свете только танец,
Всё движенье, всё полет,
Каждый сам себя живет!

Духовность бытия

Я шел по узенькой тропинке,
Пробитой старым пастухом.
Вокруг лишь жесткие травинки
И камни с бархатистым мхом.
Лишь кое-где цветочек желтый,
Как солнце, улыбался мне,
И ржавые свалились болты
С меня на горной вышине.
Вдали, как на учебной карте,
Лазурные вершины гор,
Со дня творения в азарте
Чарующие Божий взор.
Над ними облаков гирлянды,
Манящий душу Бенарес,
Сикстинские везде гиганты
И много парусных чудес.
И ни одной вокруг лачуги,
Как будто вымер человек,
Исчезли недруги и друзья,
Погиб наш атомичный век.
Как хорошо глядеть на тучи, —
Духовности они полны,
И снятся мне на мшистой круче
Очаровательные сны.
Мне снится, что душа поэта

С душою облаков одно,
Что от словесного привета
Они склоняются на дно...
Вот, вот они послушно к цепи
Склонились потемневших гор,
Вот заглянули в наши склепы,
И укоризненен их взор.
Вот чрез соседнюю долину
Края поплыли их одежд,
И Блудному на щеки Сыну
Слезинки капнули из вежд,
Из вежд родных как будто глазок,
С глубокой, тихую тоской,
Как из волшебных старых сказок,
Но с нежной матери рукой.
И стало мне тепло и грустно,
И голову я вверх поднял:
Из пепельной фаты искусно
Опорожнили свой фиал
Из алавастра чьи-то руки,
Как Магдалина, что, Христа
На крестные готовя муки,
Слезами залила уста.
И были облачные слезы
Духовности такой полны,
Что в сердце расцветали розы,
Как от лобзания весны.
И капли с каплями на теле
Моем сливались в ручейки,

И капли с каплями запели
Меж скал от сладостной тоски.
Всё больше их в одно сливалось,
Всё громче пели свой пеан, —
И всё от слезок возрождалось,
Весь жизненный внизу обман.
Нет ничего помимо духа,
Нет ничего помимо слез,
Для чуткого поэта слуха
Всё лабиринт словесных грез.

АКВИЛОН

В пустыне меж поверженных колонн
Уныло воет мощный аквилон.
Закутавшись в поблекшую шинель,
В руке застывшей я держу свирель,
Но не пою: душа моя пуста,
Как будто сняли и меня с креста.
Но умер я не за друзей своих,
Не от идей умолк в пустыне стих.
О нет, я миру был совсем чужой
И шел забытой по степи тропой.
И жутко мне с самим собой везде,
И вилами пишу я по воде.
Лишь этот нравится мне древний храм,
И с ящерицами я по утрам
Хожу сюда, но больше не молюсь:
Я собственных молитв своих страшусь.
Но за меня суровый аквилон
Поет среди поверженных колонн.

Влечение в бездну

Меня влечет морская бездна,
Как будто я гусяр Садко,
И хочется мне бесполезно
Спрыгнуть туда, где так легко

Становится душе и телу,
Как будто я угрюмый краб,
Сидящий на уступах смело,
А не действительности раб.

Там всё чешуйчато-алмазно,
Там всё беззвучно, как в гробу,
Прожорливо и несуразно,
Там жемчуг радужный в зобу.

Чем глубже, тем всё необычной
Глаза и очертанья скул,
И кажется мне всё привычней
Пила зубчатая акул.

И кажется мне, что однажды
Я жабрами и сам дышал,
Не чувствуя духовной жажды,
И инфузорий пожирал,

Иль холодцом зыбился странным,
Прозрачным, как живой хрусталь,
И волны с грохотаньем бранным
Меня несли куда-то вдаль.

Я это помню, и что Ангел
Я был в сияющем раю,
Пока еще в высоком ранге
Стоял за божеством в строю.

Потом, как лучик межпланетный,
Я в моря чешую попал.
Да, я совсем, совсем безлетный,
Я вечность целую страдал.

Исчезновение

Как много звезд, и как они прекрасны,
Все самокатный, радужный жемчуг,
Но как они трагически напрасны,
Какой внушают роковой испуг!

Нет им числа! Песчинок меньше в Гоби
Или в Сахаре, чем лучистых звезд,
Покойников истлевших меньше в гробе,
Вселенная – пылающий погост!

Глядишь, и сердце жутко расширяется,
И скоро нет тебя уже совсем.
Ты – озеро, где небо отражается,
Ты – Сфинкс в пустыне, недвижим и нем.

В твоем мозгу кружится Андромеда,
В твоей душе все Млечные Пути,
И Духа чистого в тебе победа,
И некуда тебе уже идти!

Гондолы

Я живу совсем без тела,
Словно заревой петух.
Нет уж для меня предела,
Я давно бессмертный дух.

Сверху белые гондолы,
Полные таких же душ,
Снизу бархатные доли
И угрюмый Гиндукуш.

Всюду бездны, всюду звезды,
Всюду мировая пыль,
Необъятные погосты
И зыбящийся ковыль.

Только крыши Гиндостана
Да хребты пустынных гор,
Только волны океана
Да умерших странний взор.

Облака для них – гондолы,
Что как лебеди плывут
Через горы, через доли, —
Души, как пары, живут.

Только скоро в колыбели
Где-нибудь я вновь проснусь:
Нужно, чтоб поэты пели,
Колыбели я страшусь!

Круги

В моем мозгу разбушевалась буря,
И я хожу по планкам корабля,
Кружащуюся голову понуря
И, как монах, неистово моля

Всевышнего о чаше вдохновенья.
И концентрически идут круги
Из головы моей, как от паденья
Бульжника по омуту тайги.

Всё шире, шире, до звезды вечерней,
До Млечного в безбрежности Пути,
И уж следов от Яви нет пещерной,
И червяка больного не найти.

Люблю я это головокруженье,
Невольный, сладкий, старческий склероз:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.